

АЛЕКСЕЙ БАБАЕВ. СТИХИ

Обложка книги: рис. «Кладбище» Наталии Бабаевой

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

У меня три Учителя:
Жизнь, Бог, Дон Матус Хуан,
И в творчестве моём
Дар откровения мне дан.

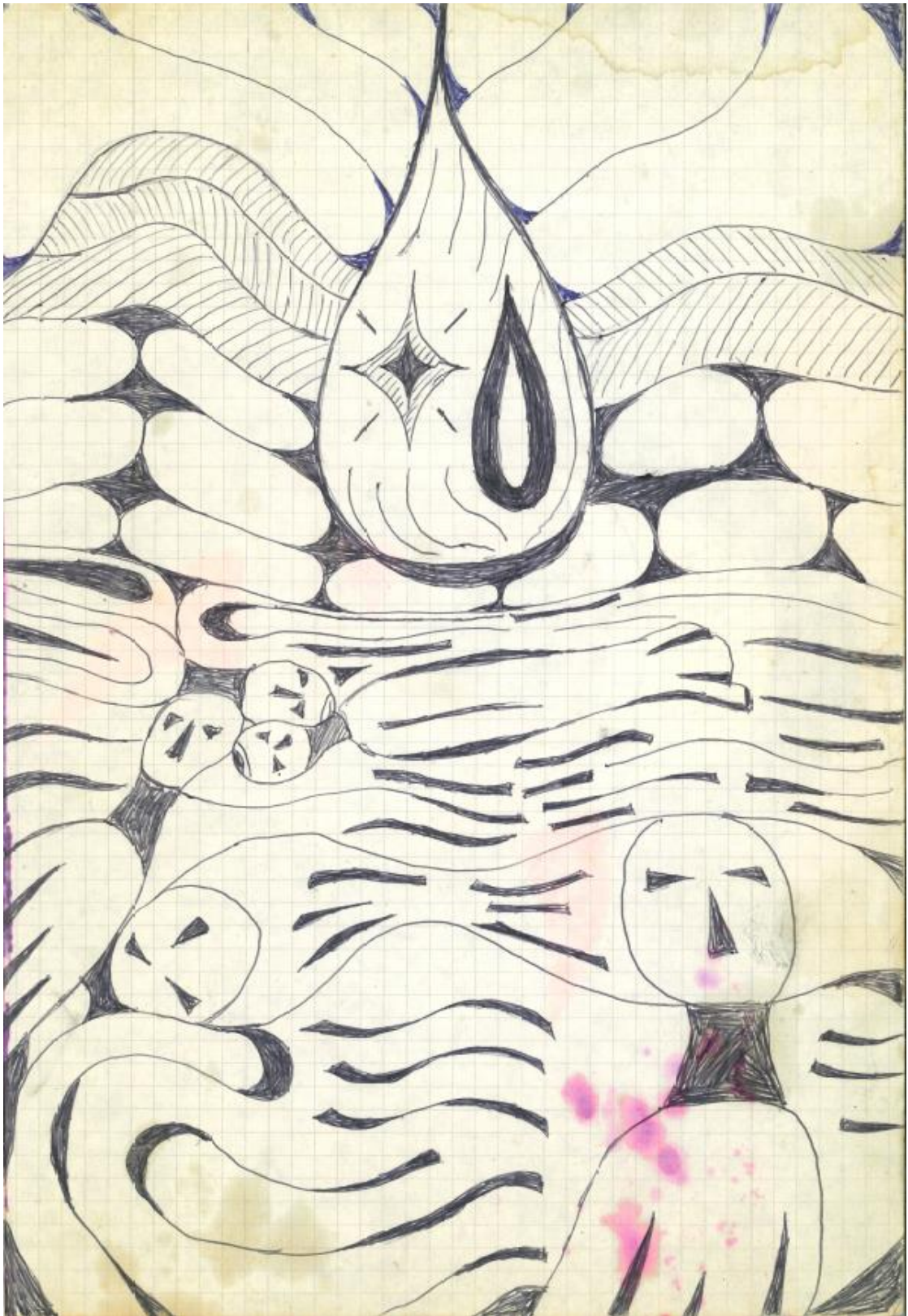
И белые стихи,
И депрессивные,
И матерные, хулиганские,
И уходящие наверх...
Кто видит, будет интересно.
А кроме духа, нету постоянства.
Ещё мне нравится, что женщинам я их дарю
И, к сожаленью, на уход пишу.
Это ж жизнь, она бывает разной.
Люби и верь, лишь об одном молю.

Захотелось написать.
Писал девчонкам я и другу,
Богу, себе, маме.
Эх, написать бы мне нирване.

Хлопья снега и сальто лыжников
В замедленной съёмке —
Красиво, не книжникам...
Святая Русь —
Святая страна,
Это не тавтология.
Да пусть возродится она.

И даже если издадут меня
И прочитают даже, клёво.
Ребятам память от меня.
Кому-то станет даже интересно.
Да хоть писать я буду
И без кислороду,
Какая польза для народу?
Не Пушкин же ведь я...
Хотя кто знает,
Где больше человеколюбия!

Я, может, не поэт,
Но я пишу стихи.
Хоть получается немножечко коряво,
Поймёшь красиво, ХСТ.

«Капля надежды в барханах лжи». Рис. Евгения Учагина по концепту Алексея Бабаева

ДЕПРЕССИВНЫЕ СТИХИ. СТИХИ О ЛЮБВИ. СТИХИ НА ПАМЯТЬ

Кошмар какой-то происходит
С моей беременной душой.
Беременную вами, переживаньями, страстями.
Беременную брэнной суетой.
Ну что ж, за век не переделать
Весь жуткий смысл какой-то... Что здесь происходит?
И не перечесть страданий и желаний,
Радостей не перечесть.
И вот рожаю я, с тоской в глазах и в муках,
Весь этот тягостный и чёткий бред.
Мне довелось профессию тут получить со скуки.
Я — профессионал. Я — человек.
Но я устал... устал навек...

Вчера я был весел.
Сегодня нет.
Что-то перевесил...

Всё. Я сплю. Пошли все нафиг.
Белый свет, как свет очей,
Бросить на пол невозможно,
Как тарелку тухлых щей.
То, что прожил...
Вот гуляешь.
Солнце. Тучи.
Этот запах...
Всё, что помнишь,
Ты получше вспоминай.
Не решаюсь жить.
И не хочу по рельсам, как трамвай.
Но всё не всё, и ты не так.
И так нормально всё, пустяк.
За исключением пустяков.
Но солнце светит! Тучи. Я здоров.
Того же пожелаю вам — ползучим и летящим.

Сказал... и был таков.

Нет, не от упоенья лаской я просыпаться не решаюсь,
Меня тревожит тот рассвет,
Той сладкой жизни миг продлить пытаюсь...
Но той без этой, к сожаленью, нет.

Жизни нет, одна тошнота.
Я бы съел крокодила,
Лишь бы в материнское окно
Солнце всегда светило.

Жизни нет, а так хочется жить.
Счастья нет, лишь в вену раствор.

Мама, ты мне подложила свинью, когда родила.
А так был бы лишь сон.
Что бы ещё сказать вам. Ещё...
Но сказано всё уж давно.
Стала память у нас коротка,
Осень стучит в окно.

Поле-полюшко душу зовёт.
На вороном коне
Радостно я поскачу на восход,
Исчезнуть чтоб на заре.

P. S. А жёлтый цыплёнок по небу плывёт...

(мамина колыбельная)

Запах носков похотливый,
Как удушьё моральное, в голову лезет.
Надо привычки тихонечко бросить
И тихонечко всё перевесить.
Перевесить мораль... с поправкой на жизненную величину?
Нет. Не приму. Лучше уйду, промолчу.
(Или дам в морду тому гаду.)
Лучше пусть запах носков похотливый в голову лезет,
Чем мораль, с поправкой на жизнь, перевесить.

То немного, что есть у нас,
Никто ни за что не отдаст,
А если иначе, то тот не из нас.
Можно просить. Не нужно винить.
Надо дать шанс, чтобы вернулся тот,
Был который из нас.

P. S. А если иначе, то:

«У попа была собака,
Поп был плохой, а собака — дурака».

СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

Я один, мне что-то надо.
Только сны — моя отрада.
Мне не нужно ничего,
Лень милее мне всего.
Нет, не правда, это ложь,
Дело мне милее всё ж.
Ох, как трудно, ох, как тяжко,
Не пойму я, где натяжка.

Я съем золотой апельсин.
У тебя оранжевые штаны.
Только не говори мне: «Не улыбайся».
Моя улыбка значит: «Здравствуй».
По серым волнам нашего океана —
Здравствуй, свободы пиратской парус.
А может, скажешь: «Здравствуй, ты моё счастье» — Насте.

Здравствуй, открытый космос.
Здравствуйте, вы, которых случайно забыли.
Косточкой стрельни на удачу в окно,
А я скажу непонятное «Открыли».

Зелёное, красное, жёлтое.
Скажешь ты: «Без смысла, непонятные цвета».
Но Бог суров и сказал: «Или Нет, или Да».
Но есть ещё красота.
«Умеешь творить?» Скажу тебе: «Да»!
А тот светофор, ты помнишь, прекрасны цвета?
«Да нет».

Знаешь только:

Зелёный — можно, жёлтый — внимание, красный — нет.
Нельзя вместить в себя сразу что-то,
Тем более — красное и жёлтое.
Чушь? — нет, ответ — оранжевый цвет.

Я сплю с тобой затем, чтоб уснуть.
Я люблю тебя, твои ласки,
Но мне жаль,
Перед Богом стыдно, печаль.
Я не хочу тебя, но...
Но мне по-человечески тепло.
Даже жарко, я бы сказал.

Приветствую тебя, конфедерация!
Сохраним чистым то, что сможем,
Будь то лес, совесть или нация.
С мудростью.
Не забудем, мудрость бессмысленна без доброты.

Ты, осень, стала для меня весной.
Чуть-чуть ожил, почував свежесть холодов.
Набрал грибов и съел какую-то поганочку сырою —
И всё меняется, затронув нас волшебною рукою.
А глаз вдруг выхватит бывшее дежавю...
Что? Всё нормально? Понял,
Не надо торопиться.
Теряет в спешке потихоньку жизнь свою.
И думаю, что даже вечность
В спешке длится незаметно,
Если, конечно, у кого-то
Хватит сил на вечность ту.
(Ну всё, погнал, гоню...)

Если ты сказала: «Оставайся»,
Я тебе ответил: «Хорошо».
И мне плевать на всякие там
Танцы, разговоры, балаганы:
«Вы про это?»
Ну и что?»
Если ты сказала: «До свиданья»,
Я тебе ответил: «Пока».

Ну это тоже, в общем, хорошо.

А в небе красивые облака.

Можно думать о разном,
Плохом, красивом, безобразном...

О солнце, небе, тучах, грязи...

Только не думай о мрази,

Которая может повстречаться

Тебе днём.

Ты что-нибудь хотела для себя.

Ты мне сказала: «Не знаю, что завтра надеть».

Но мы с тобой — как белые тени в тумане,

И надо надеяться лишь на своё обаянье.

А сейчас надо спать.

Я скажу тебе: «Спокойной ночи»,

А с утра ты узнаешь, во что ты одеться захочешь.

А сейчас мы с тобой — серые тени в сумраке ночи.

И мечемся в человеческой канители.

И это всё — жизненный снег,

Который в сугроб вырастает и тает.

И завтра надень

Свой сладкий и безумнейший бред.

Поля пшеницы, море красных маков.

А что ещё? Да больше и не надо.

Достаточно того, что вспомнишь как отраду

Кусочек детства своего.

Р. С. Светкино детство.

Что-то ненормально, беспокойно.

Шизофрения? — Обыденно.

А! — Паранойя.

Р. С. Косяк заблудших душ пролетал мимо милой планеты.

Вчера ползал по мне таракан.

Гад, едрить-тудыть.

Даже если я буду добрый и пьян,

Не буду его любить.

Но вот если я буду очень добрый

И сильно пьян,

С мухой могу подружить.

КОЛЛЕКТИВУ

Буфет! Взаимопониманье!!

Бильярдные столы?!

Что вы хотите от работы нашей?

Мечты, мечты...

О РАБОТЕ

Подождите убежать,
Я не сразу догоняю.
Подождёте — догоню,
Расскажу вам, что я знаю:
«Собака вертит хвостом,
Хвост не вертит собакой,
Но как вертится хвост,
Так и живёт собака».

Ничего от тебя не хочу
И просить ни о чём не решаюсь.
Ты же знаешь, я не шучу,
Когда коршуном с неба срываюсь.

Я на войне, мать вашу!
На очень тяжёлой, страшной и непростой войне...
Поэтому я говорю: «Извините,
Но, ради Бога, не выводите!».

P. S. Война с самим собой.

Мысль пробивает время,
А солнце идёт на запад.
Это не два еврея,
Это пастух и запах.

О юности ты вспоминаешь —
Восхищённо, радостно и грустно.
Но действовали только по-мужски.
Об этом вспоминаешь так,
Когда ты с другом,
Но вышли из любительской игры.
Мы — рыцари печального искусства,
Себя ошибками избавить от тоски.

Ещё никак, не зная, не осмыслив,
Иду-бреду дорогой бытия.
Но чую, в море легче выплыть,
Не зная, где родные берега.

И вот он, ступор.
И чем дальше, тем мертвее
Врезается он в жизненную суть,
И можно лишь заткнуть им перерывы, печаль и муть.

Колдун могучий жизни сей,
Ты, может быть, туда, но не тогда меня послал,
А впрочем, пути Его ведь неисповедимы,
Но вряд ли, не затем. Куда попал?

Как жаль, что нету сил прийти к родным и братьям ищущим.
Да многие и сами не у дел.
Общенье! не солгите. Вот вам прутик.
И от огнива сердца он разогрел.

P. S. Но помните, сначала прутья, а потом — дрова.

Я разбил бы и собрал бы
То, что нам ещё осталось.
Я б написал, да не могу,
Себя я ненавижу малость.
Бывает так, что радуюсь,
Бывает так, что резаться осталось.
И даже если я уйду,
Наверно, это будет в радость.

P. S. Я б не ругался б, да не простят ведь мне опять!

Мне тяжело наутро вешать
Обрывки якорных цепей.
Мне тяжело наутро вешать
Необусловленных идей.
Мне тяжело наутро вешать
Не выебанных зря блядей.
Зато легко мне думать:
Вот было б хорошо —
Хоть был бы я немного веселей.

КОЛБАСЕ

Покойся с миром, товарищ.
Ты что там? На том свете?
Ну, тогда передай Богу приветик.
Если б мы думали так,
Если б мы знали точно.
Но туда призывают не в срок.
И молитва, чёрт, не поможет.
Девки весною в юбках гуляют,
Да, но тебя уже это не манит.
Ну, что это я о весне.
Ночью в постели проснутся в огне.
Если бы знали мы что-то,
Если бы знали так.
Но мёртвый Роджер не вскочит,
А метка черна, как флаг.
И птицы вроде поют,
И дождь не идёт из крови,
Но дьявол совсем не дремлет,
И уходите вы, наверно,
На волю...

Не говори, что всё здесь красиво,
Гниль — тоже запах этого мира.

КОТИКУ

Спят полночные звёзды,
Только слёзы в глазах.

Не уснут никогда, никогда, никогда.
Ты весёлый такой. Пошутил.
И ушёл навсегда, навсегда.
И сколько б ни было тайных дорог,
Сколько б ни было клёвых людей,
Ты один. Но зачем-то уснул,
А проснуться ты с нами не смог.

Всё отведено, что
Пишут мои пальцы,
Знают мои мысли,
Чует моё сердце.
Под каток громадный
Душу закопали.
Мучиться устал я,
Нету мне здесь места,
И отправлюсь снова
Я к звезде далёкой.
Вместе с ней не будет
Мне так одиноко.

Гуляю, гуляю и вижу такое:
Счастливые люди рядом со мною
Рожают детей, бухают и строят,
Идут вперёд к намеченной цели,
Хоть цель под собой ничего не имеет.
А у меня ещё одна ночь,
Видимо, тяжёлая ночь.
Бог не может прийти,
Когда тебе опять...

Свет! Хоть какой-то просвет
Мне открылся, спасибо Тебе.
Просто заклятый я,
И злорадна судьба.
К сожалению, это всё мне.
Вот такие пути:
Не поймёшь, где идти,
Бесполезно нести этот крест.
Просто радуга вдруг.
Ты мне больше, чем друг,
И как солнышко греешь.
Свети!!!

P. S. Ты извини, очень просто и про себя, но обращено к Тебе!

НАЧА́Л У КРУГА МНОГО,
НЕТ КОНЦА, А ВПРОЧЕМ, НЕТУ И НАЧАЛА

Я еду в поезде по кругу,
На остановках выхожу,
Хочу, чтобы свершилось чудо,
Но путь прямой не нахожу.

Ах, если б раньше, если б раньше
Понять, что надо по прямой,
И что на радиальной дальше,
И тупо быть на кольцевой.

Пойти по жизни дальше в мир,
А счастье пусть простое, но родное.
И ветром овевает ковыль
Простых, но радостных устоев.

Но не найти мне переход
На путь, который в лето.
И души всех ушли вперёд
Тех, кто со мной когда-то ехал.

Так где найти счастливую монету?
Чтоб на неё купить покой.
Да, на кольце её уж точно нету,
И снова я спешу домой.

Чтоб, отоспавшись, снова выйти
С надеждой слабой и больной,
В который раз начать сначала,
Искать стезю судьбы другой.

И уповаю я на Бога,
Но грустно мне всё время ждать,
Что вдруг откроются ворота
И правда будет побеждать.

Чтоб смысл той фразы окаянной
«Дают, достоин ты чего,
Кто сердцем, и стремленьем, и делами»...
Чтоб правда было: «Каждому своё».

P. S. Вся жизнь впереди, надейся и жди.

Хочется пить целую ночь,
Хочется пить всё утро.
Хочется спать целый день,
А под вечер вспоминать друзей,
Тех, с которыми бы пить целую ночь и всё утро.
Но ручка не пишет, и повод иссяк.
Бывает по жизни, казалось — пустяк.
Пустяк — как вы,
Пустяк — как мы,
Пустяк — как я,
Фигня!

Молчание — золото.
Молчание — бывшее серебро.
Молчание, что помнишь — всё дерьмо.

И вечно о проблемах или о мечтах,

Как ветер дует в сопках, на море и в песках,
Иль о стихах, где спит ковыль, ночуя у костра,
Ты вспомнишь и забудешь, может, и не навсегда.

Комар-кровопийца летит
И нудно зудит, как укус.
Бей его — это гнус.

Разные лица,
Разные люди,
А в тёмном логове лютый зверь.
Его никто не осудит,
Он и есть лютый зверь.
Разные люди,
Как их разные лица.
Надо злиться?
Можно лишь веселиться.
Не стоит огорчаться,
Они могут преображаться!

Я буду жрать чеснок,
И лишь тогда поверю я
В ту искренность тех женских слов,
Что говорят мне о любви.
И буду я блевать вам в ноги
И, отмывая их и их целуя,
Говорить вам: «Подожди».

Девушка, вы прекрасны,
Рядом стоите светом.
Нет, всё же напрасно
Я не сказал вам об этом.

ПОСВ. Н. ГУМИЛЁВУ

Нет, Степаныч, я не весел,
Но эти взоры — два луча.

Еду в метро,
Представляю себе:
Еду с женой в метро.
Но этого нет ничего.
Представляю себе:
Еду с женой в метро.
А еду один.
Вроде и так ничего,
А может, и хорошо.

В ноябре я нашёл грибы.
Это было в Москве.
Опятами они показались мне.
Всё это как во сне.

Я вас люблю,

И вас я ненавижу,
И весь я ваш душой,
И сам я свой всегда.

Когда нас больше не тревожит глухая ночь,
Я ссать и выть готов.
Готов и плакать я, готов.
И я, и мы в нирване,
Я вижу наше знамя
И как коньяк в марихуане.

Мосты-мосты, неисповедимы пути Твои,
Неисповедима вся жизнь моя,
Но только любовь и доброту я дарю, я.
Что может быть? что будет?
Нет будущего, есть разум, мечты и Бог,
Только, Боже, не наказывай меня, отправляя за порог.
Лёха, Димон, Костик,
Кого-то сжигает, а кто-то находит.
Кто-то теряет, кто-то выходит,
Так сделайте так, чтобы не вышел я.
Я всё отдам вам за это, на то и любовь моя.
Кто-то, может, не поймёт,
Но здесь всё правда.

Р. С. Бесов жалко, есть пропаганда.

А мир в согласии со мной,
Когда я грустен или весел,
И сильно огорчаюсь,
Если не получается.

Другие скажут — паранойя,
А я и вправду ведь заметил:
Каким сегодня буду я,
Таким и будет день сей.

ЧЕСКИДОВУ

Ах, кто бы знал, как я любил,
И кто бы знал хуйню задрочки.

Тох! Тебе не нужен пистолет,
Убьёшь всех нахуй обаяньем.
Ты вырываешь нас из бед,
Когда кусает жизнь, как пиранья.
И глючит: видишь, всё нормально.
А всё не так на самом деле.
Побудешь, вспомнишь, заболеешь.
И соло на басу:
А ну — ты что, а так живу...
Не замечая, и вижу, и читаю,
Смеюсь, шучу не замирая,
Но замру я — засыпая.
Бум...

Ту-30,4; ту-30,4... Что ты? — демон...
Мы красивы в тишине твоих стихов,
В заморочках мудароx.
Подарок — скважина веселья.
А кто ещё чего-то скачет?
И всё, и я, пока без тела...

ТОХЕ ЧЕСКИДОВУ

Ещё одно пишу тебе.
Да будь ты, здравствуя, не болен,
Пусть отпадут в тебе, как в небе,
Как в облаке, те капли боли.
Боли той, что непонятна,
Той, которую не слышишь.
Сплюнь её, и будешь волен
Всегда там, где нас ты слышишь.
Всё равно ты — чудо света!
Света — тот, который создал
И в закатах, и в рассветах.
Будь таким, каким ты познан.
Осторожней будь с игривой
Ты натурою своею,
Лишь бы ты неторопливо
Ободрал верблюду шею.

Сам виноват и охаю,
Попал я в жопу глубокою.
Авось подпрыгну, подтянусь — да прыти нет.
А может, кто-нибудь... Да хуй вам всем!
А сам от ярости кричу: «А ну пусти!
Какашка сраная моя, её дери!»
Но тужиться по духу нету сил.
Эй, Славка, клизму мне «Джин Тоник» приноси.

Р. S. Посвящается жесточайшему пиздецу, постигшему меня при определённых обстоятельствах.
Бред, бред духовной жизни.

Вот опять начну искать
Настроение своё.
Может, это и не плохо,
Но уже и не хорошо.
Как кабан, попавший в клетку,
Буду выхода искать,
И метаться по квартире,
И ложиться на кровать.
Много будет вариантов
В голове моей крутиться
И таких-сяких идей
Внутри мозга проноситься.
А когда же наконец
Лопнет внутри лампочка,
Я отправлюсь во дворец.
Вспомни меня, мамочка!

Дарю тебе луну на небе
И всю траву живую на земле.
Я одинок и очень беден,
Но для тебя ничё не жалко мне.

Я умер, меня почти нет.
Воскреснуть?! Надежда, о где ты, смешная?
Как хлор, ядовит этот свет,
А город — как хлам в сарае.
И можно злиться, и можно плевать,
Я сам бы нажал эту кнопку дурацкую,
Да жалко... Да что там жалеть — мы пепел
И пеплом всё посыпем, дай Бог нам успеть.
О женщины — вы как святые,
Но кто же вас создал, зачем?
Не родился бы я в этом мире —
И не был никем бы — а Всем.
О Боже, молю: дай силы
Терпеть эту гнусь и тоску,
А лучше дай эйфории,
Тогда я скажу, что живу.

P. S. Как прекрасен этот мир, посмотри.
Как прекрасен этот мир...

Кто же создал этот мир паскудный?
Неужели Бог?
Если так, то всё хорошее заберёт он снова,
Остальное... видит бог...

Ё-Бонаро, ни хлопот, ни забот.
Ё-Бонаро, не везёт, хоть убей.
Эх, люди, люди, — нифига вы не братья.
Остаются друзья, как любимой объятья...
Как любимой....

Море, море, мир бездонный,
Пенный берег охуенный.
Над тобой встают, как зори,
Над тобой встают, как зори,
Нашей юности надежды.
Под тобой лежат
Нашей зрелости дороги,
И перед тобой встают, как стены,
Нашей старости тревоги.

Так красиво живётся на свете,
Я себе уже всё доказал,
Лучше звёзд могут быть только звёзды,
На которых давно не бывал.
Взгляните дальше, синие очи,
Зажгитесь, звёздочки в ночи.
Ты на меня с улыбкой милою
Неотвратимо посмотри.

Влезает месяц в мутное стекло
Своим пустым, как снежинки, светом
И освещает комнату теплом,
Теплом закатов и теплом рассветов.

А речка тихо льётся по земле,
И ей не надо правил о движеньи,
И шелестит листва в кромешной тьме,
И пригибают головы деревья.

Вдруг облака атакой боевой
Закроют месяц наш весёлый,
И сразу вдруг повеет холодком,
И станет мрачно, как в пустынном доме.

Зачем же, ветер, сильный и шальной,
Ты облаками месяц закрываешь?
Ты лучше воздух ночи весь обмой,
И свечку ночи ты потом погасишь.

(Написано в 15 лет.)

РОК-Н-РОЛЛ

Все бегут по жизни, как по льду,
Одного понять я не могу:
Зачем спешить, зачем так лёд крошить?
Ведь можно поскользнуться и упасть,
И в аварию попасть.
А если нам не падать и не рисковать,
Так можно потихонечку жизнь скоротать
И ничего хорошего не узнать,
Вот так лежать в постели и что-нибудь жевать,
Вот так лежать в постели и слюнки глотать,
Так интересного и в век не увидеть.
А я призываю вас всех встать,
И не бояться упасть, и рисковать.
В угол отодвинуть ненужный стол
И всем вместе станцевать рок-н-ролл.
Весело, задорно танцуем рок-н-ролл,
Старый добрый рок-н-ролл!

(Написано в 15 лет.)

НАТЕ

Ната, нету такого акробата,
Чтобы переписал все имена, как награду.
Натуля, нету такого сладкого ни у кого поцелуя.
Наточка, я отдал бы тебе все хлебные карточки.
Наташка, нету роднее тебя, и бегут по телу мурашки.
Наталь, ты не поверишь, но разбудила ты горный хрусталь.
И так бы склонял до бесконечности,

Но боюсь, не хватит вечности.

НАТУЛЕ

Если б не ты, я разбился б об острые камни.
Если б не ты, я вонзил бы в себя финский нож.
Если б не ты, как багровы закаты, текла бы тогда моя кровь.
Твоё имя не устану я повторять, как святыню.
Если б не ты, знаешь, рутина жизнь, рутина.
Если б не ты, не было бы родниковой воды.
Я ждал, я ждал, дождался и боюсь.
Да нет, оставит меня моя грусть.
И полетим мы с тобой на Солнце.
И, в поцелуе застывши,
Сгорим, как звезда,
Ну и пусть.

Единственное что — могу писать стихи,
Но все почти ведь в боли.
И даже я издать их не могу,
Чтоб раздарить друзьям и воле.

И хотя беспредел есть,
Не выбираю я смерть.
И жив я вполголоса,
Но всё равно пою на весь лес.
Спасибо, братцы, что живой.
И будет петь душа,
Пока у гитары есть струны,
А у людей — голоса.

Красивая, но одинокая душа,
Я светел, как маяк в глуши людской,
Где степь кончается у моря.
Не выбираю смерть,
Я всё равно буду живой!
Любить я буду, как невеста,
Хоть и останусь холостой.

Блин, кто бы мне помог!
Ведь хрен ведь кто поможет.
Страна другая, люди стали не людьми,
Других проблемы уже не тревожат.
И что осталось делать?
Пастырь мой, прости.
Я, может, просто за своим заклатьем
Ничего не замечаю.
И хоть, как в дурке, расписание пиши,
Ведь знаю, не поможет.
Терпеть осталось, как Господь учил,
И человеком быть, по крайней мере, для себя дороже.

Р. S. Отряд не заметил потери бойца.

Р. Р. S. Даже если никто ни строчки не прочтёт, стихи, иль с радостью душевной, или с болью, уходят все к Творцу, достаточно того, чтобы тебя Он понял и было в этом что-то от Его начальной Воли.

ЮЛИИ

.....

Юлия, хочется тебя обнять,
В носик вздорный целовать.
И нету похоти во мне,
Хотя я б на коленки посмотрел.

Ты — птичка в райском саду,
И кто ж пустил тебя сюда, ко дну?
Наверное, затем, чтоб красотой своею
Ты не дала этому больному естеству всё ж помереть.

Ведь даже у того, кто помирает
При виде красоты,
Сердце вновь стучит сильно.
Считай, ты оживляешь безнадёжных колдырей.

А я... ну что ж, мне ничего не надо.
Приятно было бы чуть-чуть вниманья,
А дружба — это всё пока мечты.
Но ты же ангел, снизойди!

Руки, личико, фигурка — почти что совершенство.
Ты будь всегда такой — чуть-чуть смешной.
И, раздвигая облака руками,
Пускаешь солнце в беспокойный мой покой.

Даже если всё так херово,
Главное, чтоб было настроенье.
Оно уводит в сторону надежды
И бытовуху делает блаженной.

Придумал я найти подругу.
Смогу ли ей чего-то дать?
Ведь может не попасться мне такая,
Что будет душу понимать.

Короче, делать я чего — не знаю.
Осталось лишь себя на опыты отдать
И продолжать, как продолжаю,
Грешить поменьше, ну а Господь мне вряд ли,
Кроме ненужности, забвенья и земного Ада,
Вряд ли сможет что-то дать.

Р. S. O, где же ты, надежда?

Я не знаю, что мне делать,
Я не знаю, как мне быть.
Уходить сам не могу я,

И мне не хочется так жить.

Свет моей души сделал так,
Что нету у меня стези,
Кроме того, как быть человеком,
А это никому не нужно с новым веком.

И я пытаюсь так и сяк,
А главное, что никому нет дела,
Чтоб вытащить меня из этого дерьма,
Помочь решить мне эту теорему.

И не хватает сил, чтобы начать с нуля,
Да и смешно ведь это,
Ведь мне уже как сорок два,
Хотя и были инциденты.

Даже если всё так херово,
Главное, чтоб было настроенье.
Оно уводит в сторону надежды
И бытовуху делает блаженной.

Да, нагло, круто.
Я не Путин,
Но занимаюсь тем же,
И видно среди толпы меня.
Да о себе пишу родимом.
Заколебали чёрствостью, бездушьем, зря.
Коленом вышиб дверь в туалете,
Подумав, что закрыли вы меня.

Сижу я пьяный и не знаю, что мне делать.
Сосуд был выпит, и осталась лишь душа.
Она болит, и стонет, и страдает.
Так заебало всё меня.

От стены до стены,
От окна до окна,
Жизнь в дурдоме
Тоскою безумства полна.
Можно выйти на свет, слава Богу,
Но всё равно принадлежишь ты дурдому.
И эта неволя за сердце хватает.
Думки о близких тебя добивают.
Отвлечься, отвлечься...
Да нет, всё по-ровному.
И душ запах бывших
От сердца отсечь.
И терпишь так от встречи до встречи,
Только дозы и лечат,
Только мечты и держат.
Хочется деть куда-то себя,
Только поспать, время быстрее прогнать.
Но голова говорит: «Нельзя».

Вперёд муки терпи,
Что крест тебе дан».
Мосты, мосты и спасают.
А выйду — опять аврал бывает.

Мне очень нравится мечтать.
Мечтаю я как параноик.
И чтобы те мечты сбылись,
Я одеялом их укрою.

А если жарко станет им
Под пушистым жирным пледом,
Реализовать мечты —
То было бы моим советом.

Как это сделать? Нужно всем нам
Сделать постараться,
Чтоб предназначенное достать,
Хотя бы для земного плана.

Знаешь, не один ведь ты в высокой воле,
И не знаешь — разные ведь мы.
Не познаешь — ты один на воле,
А познаешь — ты неразделим.
Не страшись судьбы человеческой,
Ты средь нас, а это всё равно,
Что средь нас быть шкурою овечьей,
Что средь них зубастым быть волком.
Так что будь, какой ты есть,
И не знай, кто может тебя съесть.
Может быть, незнания причина —
Она суть того, что может быть и есть!

Маринка, девочка моя,
Тебя люблю я как себя.
И в скорость ветер вдруг вырастает,
И рвёт деревья он страны,
Страны, которая родная.
Она родная, как и ты.
Но ночь темна, хотя люблю я,
И сумерки, и ночь люблю.
И никогда не забываю
Своих родных и ночку ту.
Ты — ветер светлый и шальной,
Свободу принеси нам
И ту любовь, чтоб веселее
По жизни нам идти с тобой.

Беспредел всегда в моей стране,
И беспредел по отношению ко мне.
И для чего ты, Боже, создал этот мир?
Не для того же, чтоб друг друга поедать.
А в людях мне души почти уж не видать.
Чего толку пить витамины,

Когда души людские подгнили.

Сколько, Боже, улетело к Тебе
Стихов ночных и в безвременье.
Сколько, Боже, я начать их смог
И не закончил. Но понять меня Ты мог.

И мне не жалко. Ты Творец, и я творил,
Считай, души я искру подарил.
Главное — чтоб понимать я всё бы мог,
И мысли бы ложились между строк.

Только чтобы веселей могли бы жить,
И уделите мне немножечко внимания,
Женщины, не зря же вы — они.
Любите так, чтоб радоваться мог,
Любите так, чтоб души расцветали!

Про радость, про солнце,
Про любовь, про мечту
Хочу я писать,
И про то, что живу.
Но, похоже, я сдох,
И нечем дышать,
Нету контроля, не смог его взять,
А душа вдруг остыла,
Если не смог я стихи написать.

Холодно на улице,
А птички живут,
Прилетают, хлебушек в кормушке.

Так же и я.
Насыпьте мне хлеба,
Когда в душе холода.

Неужели трудно вам понять,
Что победить беду мы сможем только вместе.
Что? Эгоизм, понятно, не отнять.
Но что же, нету совсем сердца?

Ведь я не плачу, я смеюсь.
И только за наш мир боюсь.
Ведь если мы душой не оживём,
Тогда дурдомом будет этот дом.

И будем мы друг друга пожирать,
А радость, кроме иногда,
Уже не будет посещать наши края.

Дай Бог нам одолеть эти проблемы.
Но я не вижу в душах теплоты,
И если мы всё так же будем немые,
То я что мог, то сделал.

Дай Бог вам, братцы,
Победить мир Сатаны.

Всеми брошенный пёс
Идёт переулками, бежит
И думает, что правду заслужил.
Но боги молчат, или дела нет (извиняюсь)
До его мыслей-щенят.
А правда в том, что он достоин,
Чтоб в стаю приняли его,
Ведь он воин
И, кстати, весьма клёвый человек.
Но это заклятье, что, навек?
Снимите с меня его,
Ведь заживо хоронить грех.
Нахрен нужен этот мир,
Если в нём справедливости нет?
Или боги не дают, как врачи, обет?
С вами честно поступил,
Поступил жизнью.
Со мной нечестно поступают,
Такое тоже бывает?
Я человек, и не только хлебом насущным жив.
И был прав,
Ты сам так сказал.
Вот что убивает,
Если сердцем ещё жив.
12, 18, 20 лет одиночества...

Не могу предсказать будущее.
В ложке налита вода, ватка.
Но там уже нет ни хуя,
Это не кайф.
Какие-то круги ада,
Может, так надо.
Ведь как-то должны мы жить,
А не только за хлебом ходить.
Так хочется сделать своим хорошо,
Но натыкаюсь на дерьмо и авралы.
И предательства почти постоянно,
Да люди разные, надо их понимать.
Но хитрость — не моя стезя,
Хотя научиться ей пора, для добра.
Люблю, уйти не могу.
Судьба моя, была ты ко мне недобра.
Но я всё простил. Господь, я верю, за меня.
Иначе мир накроет тьма.

Я не знаю, что мне делать,
Но в порядке всё со мной,
Кроме, что уже нету мочи
Разгрузить вагон за ночь.
И здоровье подорвали,
Да и душу разорвали.

Испытание дано,
Думал, пройдено оно...
Что же вы хотите от меня?
Дайте доброго общенья и покою, —
Я всё равно поделюсь, —
Серотонину и железного коня.

Стелется трава по небу,
Льётся из меня косая блажь.
Хочется мне быть праведным,
Но князь тьмы дал мне жестокий инструктаж:
Не духу — телу моему. И мучается сердце,
Оно и в теле и живёт лишь духом тем небесным.

Подставили меня тогда все люди-братья,
Живы и телом и душой. Да хрен вам на хрен!
Или живи здесь, или стелись травой по небу.

Когда ты улыбаешься, смеёшься
И задаёшь загадочно вопросы,
Ну а потом, спрося: «Ну, может, чаю...» —
Тогда во мне добро проснётся.

Когда погаснет светлое пятно
И станет жить совсем невмочь от ночи,
Скорей зажги нам солнце за стеклом
И обогрей лучами его, Боже.

Как много нас, шутов, гостей и лиц,
И каждый вдруг почувствует спасенье,
Когда зарёю станет светлый лик
И пропадёт тревоги опасенье.

И вдруг взорвётся облако в ночи,
А месяц к звёздам встанет, как награда.
Скорей его в тетрадке опиши:
А вдруг он есть чего-то предсказанье?

А может быть, он — предсказанье льда?
А может, голосов друзей весёлых?
Второго будешь очень долго ждать,
Когда не будешь светом опьянённый.

Так загорись же, светлое пятно,
Ведь это — бесконечность и улыбка.
Хотя идти по небу нелегко,
Но нам поможет яркая картинка.

Хлебушек, девушка,
Хлебушек, девушка,
Я не пойму, где же, где ты, надеждушка.
Вроде есть и любовь, и верушка.
В санках по жизни
Катался с горушки —

И вдруг попал
В дерево лобушком.

И вот я смотрю —
Я выжил, мама,
И стал похож на гиппопотама.
С толстой кожей живу.

Сильные — да.
Смелые — да.
Но очень крутит позёмка-зима,
Следы замечает она.

Я встал на одну ногу,
Встал на другую.
Здравствуй, мама, я сварился вкрутую,
И чистят уже меня.

Всё есть, всё есть, кроме добра.
Смотрю на мир напряжённо.
Чувствую, он убивает себя,
Становится как прокажённый.

Слава Богу, Он послал радость,
Счастье простое, человеческое.
Я живу и плюю на гадость,
Помогаю беспечности.

Но я сломаюсь за год, за два.
А пока всё нормально,
Сердце бьётся ещё.
Будет осенью жатва.

ЗА МАМУ, ЗА РОДИНУ, ЗА ЛЮБИМЫХ

Морозным снежным днём
Мы шли под горячим огнём,
Мы шли воевать до конца,
Мы шли умирать, но не зря!
Фашистскую сволочь давя,
Армаду немцев губя,
Родину нашу любя!

И не надо писать,
Глядя прямо в солнце,
И нападать на тех,
Кто плачет, но смеётся,
И умирать,
Совсем не видя света.
И на детей бомбы, не конфеты.
Кто ж вы такие?
Не люди, а скелеты.

Любите Родину, как Боже

Всех вас любит, живите за это.

Ничего не радует.

Это не депрессия.

Это моя жизнь

Вся покрыта плесенью.

И лишь друзья, которые остались...

Раз, два — и те наперечёт.

И, мама, боюсь я,

Нету никакого плана.

Так пусть всем людям добрым

Солнце по утрам встаёт.

И мир пусть будет

Как цветочная поляна.

Когда душа не устаёт,

Тогда мир будет жить.

Так надо.

Здравствуй, девочка Ночь. Ты моя, ты родная.

На томной постели твоей я с тобой.

Капли луны, янтарём опадая,

Разжигают все чувства, забытые мной.

Краски души темнотой освещая,

Даришь ты мне зверя покой,

И по траве с тобой я гуляю,

Дарю, как цветы, тебе волчью любовь.

Девочка Ночь, ты своя, ты родная,

Только вот я сам какой-то не свой.

Каждый день подыхаю в эфире,

Только бы вспомнить, кто я такой.

ХОККУ

Я честен и наивен,

Из-за этого страдаю.

Люблю, прощаю, понимаю!..

Люблю смеяться.

А вдали над облаками — журавли.

Куда-то, а потом назад.

А я назад не прилечу.

Останусь прежним, но молчу...

Молчание — бывшее серебро,

Так говори ты всем назло.

Да костлявая ходила рядом:

Чтоб дальше жить, забывать не надо.

Желания — не всё,

Чтоб рядом было всё спокойно

И чтоб мне снова повезло.

Люблю вас, Бога, маму, друзей,

Которых мне снискало Провиденье.
И женщину свою люблю,
И никого не предаю.

Если аллергия была, потом прошла,
То шизофрения, бля, — это паранойя,
С видами, бля, из ночи на море.

ХОККУ

Укуси меня,
Хочу стать вампиром,
Чтоб быть всегда как под амфетамином.

Я хотел бы, чтоб на свете
Были боги, снег и ветер,
Лучезарны были б горы,
Дети б были как анкоры,
Сладким был, как мармелад,
Всех других миров закат.
Вот бы всё же их увидеть...
Да, дороже всех наград.

В ГАННУШКИНА

И день бывает целой жизнью,
Или неделя, вот те раз.
Года порой бегут до неприличья быстро.
Да, время торопить нельзя.

Порой подумаешь, быстрее бы четверг (день выписки),
Или скорей бы пятница, иль день рожденья,
Но вот когда двадцатник лет исчез,
То ничего нет, кроме сожаленья.

Прости меня, Время, был не прав,
Когда задумывался: вот бы побыстрее.
И даже если мне хреново иногда,
Не буду торопить тебя к веселью.

Ах ты, сон мой непробудный,
Где же взять такой ещё,
Как не в конце прожитой жизни?
Ничего себе, ничё!

Р. S. А такой фантазии, как у ювелира, создающего клетку Жар-птице, ещё поискать надо! Где — вот вопрос. А когда — мы знаем...

А что там в Будде?
Вот бы знать.
Тогда б и нирване
Смог написать.
Скажу так: «Вообще лучше быть живой душой,
Чем в сраке бытовой

Умея всех любить,
А духом, даже без надежды, помирать».

Тайны рассветов, шаманов сказки.
В школе учить детей,
Чтоб разбудить в них любовь к сердцу леса
И звукам ночных разговоров ветвей.

И коммунизм нам построить
Так, как написано в книжке.
Только ведь нету в том смысла,
Так как нельзя все дела и следы предсказать,
Представить, и подумать, и вымыслить.
Но поскольку мы люди и беспредел не унять,
Специальный стол занять,
Дверь — на ключ — и срать в удовольствие.
Но мы ведь хотим это всё показать.
Покажи, потом без разницы,
Облегчи душу, сказав, что на всё тебе насрать.
Уберись потом, проветри — и ложись спать.

Смотрите сверху на себя,
А иногда и снизу тоже,
Как сказала мама.
Я задумался... А всё же!

Контроль, эмоции,
Сдерживающий фактор...
Хоть диссертацию пиши.
А у кого-то она — жизнь.

Красиво всё же,
Ежели, как в сказке,
То, что надо, побеждает.
Ну что ж, надежда ублажает.

Печаль моя такая древняя,
Нет слов о ней, одна лишь тишина.
И лишь детьми сменяя поколения,
Смеёмся, радуясь наивно, как всегда.

Насытить тайнами познаний хочу себя,
Но темнота и гулянье стали на сцене мироздания.

Взорвись же, новая Звезда, и вдохнови
Моей души желания — тёплого добра и тайн.
На то, чтоб люди всё ж познали, —
Зачем же Бог их создал?

Одновременно всё понятно,
И в то же время ничего.
Хоть это дело и занято,
Разбавить нечем мне его.

Пишу, рыдаю и шучу,
Сначала было солнце,
Счас — не знаю.
А, знаю, пасмурно,
Я посмотрел в окно.
Потом, короче, допишу.
Девчонки — моя радость! —
Пришли, и это хорошо.

Я опять охуюваю,
И что делать, я не знаю.
Не судьбу — судьбинушку хочу.
И без смысла обращаться к врачу.

Без смысла, не хочу.
Цветы лишь девушкам приятны,
И мне бы хоть читать,
Учиться жизни безвозвратно.

Красивых фраз я не хочу.
Ах, кто бы позвонил,
Сказал бы доброе чего-то.
И всё одна лишь пропасть.
Парить над нею я хочу,
Не падать.
Ах, дай мне, Боже, благодать.

Когда погаснет свет,
Зажжётся вдруг другой.
Хоть слабый и больной,
Но он поддержит нас.

Борьба начнётся вновь,
Война, а не борьба.

И живы станут те,
Чьи души счас мертвы,
И станут вместе с нами воевать
За Свет, за Свет.

Я стану рад, рад всегда,
А вот сейчас — вот только иногда.
А дальше — я не знаю, что будет здесь.
Но русские и православные всегда,
Такая судьба — победа.

Нам бы в поход по горам,
А мы в бытовухе,
Которую Бог дал.

Неправда, Он дал нам встречу,
Может, мы поможем
Друг другу немного,
Чтобы осветить нашу дорогу.

Цветы, асфальт, и нету фальши
Ни у тебя, ни у совести нашей.

Я рад, и ты, надеюсь,
Как дети в колыбели,
Когда их успокаивает мать.
Ну что ж, пора и нам поспать.

Если взять и покончить с собой,
Депрессуха кончится моя.
Если взять и покончить с собой,
Улечу я в родные края.

Я не грешник, я больной,
Рая на Земле нет для меня.
Я не хлеб, но кровь,
И роднее нету вас для меня.
И пока я дышу, я живой.

P. S. А ты был прав, ты всё спалил за час,
Но в этот час стало всем теплей.

Будущего нет,
Есть разум и мечты.
Прошлого нет.
Есть сердце
Настоящее — это ты.

P. S. Да, и то, что ты творишь.

ЗНАЙ

Я точно знаю,
Не один на свете
Дарю любовь и доброту.
Учусь я жить на белом свете,
Не гневаясь и не идя ко дну.
Ведь дело в том,
Что человек и создан,
Чтоб мудрость жизни,
Её свет постичь.
Эмоции — они ведь как присоска,
Их надо сохранить и победить.
А чувства — ведь они от Бога,
У нас одна дорога.

Марина, я хочу словами
Сказать, что я тебя люблю,
Но ведь словами не выразить всей правды.
Уйду, нам было вместе клёво.
Остаться я и не могу.

Живи, живи, держась.
Терпи, терпи, борись.

И как из искры возгорится пламя,
Так на Земле да не исчезнет жизнь.

Отстань от меня, моя паранойя.
Полжизни грехов, полжизни героя.
Северный флот, срок, психбольницы,
Можешь мною ты гордиться.

Может убить, может покалечить,
Может быть оживляющей,
Может быть жизнь спасающей,
Может дать кайфа в вены,
В ней даже живут сирени.

Р. С. Ундина!

Я стонал, но держался.
Думал, лучше умереть.
Не всегда бывает выход,
Зато вот вход всегда нам есть.

Я борюсь со страстями.
Боже, молю, будь с нами.
Две стороны у монеты:
Одна показывает крутость,
Другая нам даёт понять,
Что и у славы есть цена.

Да, я не справился с собой.
Ну что ж! Я не всегда герой.

Пока я жив, я буду что-то делать,
Иначе жив — как мёртв.
И нечего терять,
И значит, что-то делать мне опять.

Опять во мне
Добро и зло.
Зло на себя,
Добро — во славу Божью.

Хотя — соврал.
Зла-то совсем немножко.
То люди разные бывают,
То зло, то радость вызывают.
Но радость всё перебивает.
И всё меня по этой жизни выровняет.

И всё ж смеяться я люблю
И людям доброе дарю.
За что себя, уж извиняйте,
Я люблю.

Эхма, трасса сентиментальная!
Эхма, доброго тебе.

Эхма, Россия федеральная,
Эхма, Святой Руси-то нет.

Люблю я женщин,
А они меня — нет.
Слушай «Дистемпер», наслаждайся, дрочи —
Вот весь ответ.

Что, только деньги?
А где же любовь?
Куда ты девалась?
Может, под кроватью? — нет.

Предательство, похоже, лучше, чем простить.
Кого винить? но только уж,
Простите, не себя.
Я выпил море этого говна.

Я знаю, но молчу.
Я знаю, но кричу.

Один с утра пью водку в день рожденья
И слушаю Черепецкого с утра.
Когда ко мне придёт удовлетворенье
Или душевный кайф, как майская жара?

Я-то думал, что есть.
Я понимал, что не счесть.
И вот в ловушке.
Ну и что, грею ушки.
Ну и хуй с ними.
Я же подал апелляцию Богу,
Но всё равно не могу...

Сегодня — тридцать семь.
И что? Опять я плачу.
Опять один,
Опять я думаю о чём-то.
Но опять мне не везёт!
Ну где же ты, удача?

Восемьсот кругов ада —
Это много или мало?
Столько мне пришлось пройти,
Чтобы выйти из петли.

Я умирал, и оживал я снова,
Но всё, что делал, — бестолково.
И каждый раз опять грешил,
И снова я в тех муках жил.

Но наступают времена,
Когда иль Бог, иль Сатана.
Я Свет, конечно, выбирал всегда,

Я воин всё-таки добра.

Я пёс Его, и Он меня любил,
И я не получал пинки,
Как может показаться,
А терпеливо жизни Он учил.

Готов взорваться за всемильность.
Душа моя всё ж возродилась — и дух.
Не отступлю, хоть человек и слаб.
Теперь я вижу, где добро, где мрак.
Сказать спасибо ничего не значит.
Я набираю в свой отряд солдат удачи.
Они положат жизнь свою,
Так я за всё благодарю.

Я всё сказал,
И вы поймёте тоже.
Кто за Христа,
Тот жизнь положит.
Ну, может, не в мирском бою, —
За то, чтоб жить, любить, прощать и верить.

Надо уметь
Чего-то хотеть, но терпеть.

Надо уметь
Быть отрешённым и петь.

Надо уметь
Быть смиренным и ничего не хотеть.

Во сне за всё благодарю.
Я ещё жив,
И жизнью свою
На Твою Волю я кладу.

Я не знаю,
И я знаю.
Снег идёт и дождь зимой.
Все супруги выбегают
Голышом нырять в сугроб.

И не пахнет там весной,
Зато тянет душу нашу
Повторить тот миг, что называют негой.
Это чувство так прекрасно —
И блаженство и покой.

На минуту потом в бой,
Малышей кормить,
Их родить и вырастить.
Потом баня, снова баня.
Вот выходит жизнь такая:

Не всегда сугроб бывает.

Это ж надо положить
Жизнь свою на жизнь.
Это не для смеха —
Инстинкт цивилизации чтоб въехал.

Ну да ладно — солнце, жарко.
Ты с коляскою гуляешь
И кондиционер включаешь,
Да на часик засыпаешь,
Чтобы ночью покормить.

Дитя — твоя прохлада,
После зноя ковш холодный.
Это высший эгоизм —
Любить себя, любя других!

Странное для этого конца начало.
Отвлекись ты у причала
И на воду посмотри:
Есть ещё отрешённый смысл.
Звезда живёт в вакууме холодном,
Находит иногда
Тот снег, который вокруг бани.
Она ведь редко раздражённою бывает.

Женщина — звезда,
Планеты — дети,
Созвездие — страна,
Галактика — наша планета.
Вселенная есть мир,
Ты благодатная, Земля.

Живёт всё так,
Живём как мы,
Страдаем, оживаем,
Продолжаем род,
Любим, лечим, оживляем.

И, конечно,
Всё, что живёт,
Все, кто почти, почти,
Пройдя через время, умирают.
Не умирает только свет души,
А он не только в человеке.

Душа — она во всех, кто любит,
Живёт, горит огнём внутри.
А дар — он в том,
Чтобы, друг другу помогая с миром с нашим,
Всё ж слились в одно.

Мы — националисты жизни,

Солдаты бытия,
Родня.

Снег идёт и даёт покой
Моей жизни прожитой.
Ну что ж, я люблю красоту
И в людях душу.
Опять о серьёзном...
А, ладно, не надо,
Раз жизнь прожита, а какая награда? —
В Царстве Небесном.

Может, конечно, и наказание,
Но я воин
И, жизнь прожив, что нужно понял.

P. S. Это не депрессивное состояние.
Это когда ты готов к смерти.

Было, что есть. И мы точно рады,
Ведь друзья для нас — как бальзам на раны.
Лишь бы грязь под ногами стала землёй,
А не дерьмом на душе осталась.

И я так хочу, чтобы те, кто остались,
Находились, случайно встречались!
Это и есть радость,
Которую потеряли.

Заржали кони над обрывом,
И я уставился в глаза твои.
Они красивы и игривы,
А ты в мои посмотри, какие они.

«Посмотрю, мне нервов не жалко!»
Сразу видно, что ты не такая.
Тебя мне жалко, жалко, жалко,
Иди за конями, ищи любви.

Вот так случилось:
Я даже не думал.
Вот так случилось:
Я даже не гадал.
Теперь я взял и угадал.

ПОБЕДЕ

Я бы сделал небо белым,
Дайте сделать себя серым.
Но со светом в тишине,
Как герой перед расстрелом,
Ем я траву на земле.

Я скажу пред Высшей Силой,

Да, мне нечего таить:
«Если б было всё красиво,
Незачем тогда бы жить».

Да, война — причина жизни.
Пусть пополнятся полки
Солнцем, светом
И лучистым
Взглядом любящим Твоим.

Забвенью мы не предадимся
И в дождь, и в холод, и весной.
Мы — плотоядные страницы
Из книжки, что ли. Станем в строй.
А строй тот боек и невесел,
Но мы даём тут злу отпор.
Играет в карты тот, кто весел,
Но в голове торчит топор.
Топор — хуйня, но победить потом...
Куда, откуда он попал?
Бывает много грустных песен,
Но когда нам на пьедестал?
На пьедестале много висел, но
Я встал, упал — и встал.
Хотя не очень всё серьёзно.
Но хоть поняли:
То снится памяти.

Мама, я люблю тебя,
Ты — белый цветок, какого не видела природа.
Ты — белый тигр в тайге страстей.

Мама, я люблю тебя
Больше всего на свете,
Ты исцеляешь всех улыбкой своей.

Я не устану повторять:
Мама, я люблю тебя!
Ты — синяя птица в голубых небесах.

Я преклоняюсь, ты —
Природа человеческой любви,
И значит, мы не одни.

Дай Бог тебе счастья.
Это моё заветное желание,
И это моя голубая мечта.

Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда буду я...

P. S. И птицы поют для тебя...

Марина и Наташа —
Ну, кто же будет наша?
Изгой, им ведь плохо.
А может, я не прав.
Скорей всего,
Когда наступит лето
С зимой напололам,
Тогда зажжётся радость
С мечтой всем нам.

Наташка и Маринка,
Ну что же я, дурак, что ль?
Когда беседуете вы,
То это как картина
Сальвадора, блядь, Дали!

Да здравствует радость,
И пусть временно.
А если она беременна,
Да разродится удачей.
Для человека главное —
Входить в ситуацию
И делать правильно.

ХОККУ

Друзья, сука, не позвонят и слова не напишут.
Кто-то кричит, бля,
А кто-то еле дышит.

Сорок лет,
А друзей как не было, так нет.
А если кому-то нужна подмога,
Так — Лёха!

Ох, какая благодать ничего не понимать!
Тело не всегда, но требует контроля.
И тогда ко всему ещё точку покоя,
Если ты, конечно, не на стимуло-сносях.

Не умеешь танцевать
И дёргаешься ты, как прошлогодняя мысль.
Но если всё равно плохо,
Тогда сок яблочный и грёзы нам подмога.

Ляг на поляне, небо в лицо.
Отложи с поздравлением письмецо,
Закури сигарету и дёрни кольцо —
Страшно, но ветер развеет все мысли тогдашние.

И они унесутся к ручью.
Кто-то съест канарейку в пизде.
Не горюй раньше времени.
Всё как всегда. Всегда как везде.

Матерюсь!.. Потому что ещё бьётся пульс.
Позвонить? Поеду? Звонить?
Надо вообще-то, смысл жить?

Надо читать. Буду хоть...
Нету рифмы, хотел сказать «знать».
Красное на белом
Не становится серым,
Цветы на поляне
Остаются цветами.
Наркоман в Чуйской долине
Всё же выйдет оттуда:
Вряд ли случится чудо
И он останется с Буддой.

Ругаюсь, продолжаю
Что-то «красное на чёрном» писать.
Дождь начался, не получается.
Где же ять?

Летов поёт, поэт.
Что за стиль? Джаз, бред?
Я говорю про себя
И отрубаясь, бля.

Я встал. Продолжился психоз,
Продолжился дурдом в стране, которой нет порядка.
Я понял, не терплю я ждать,
Моя не вскопана грядка.

Не нужно говорить «надо»,
Действие — вот награда.
Быть или не быть —
Тут нет вопроса.
Смерть — вот советчик
От этого перекося.
Замкнули провода — да.
Чинить — это не
«Нужно делать»,
А просто делать, бля.

САЛАМАНДРЕ

Милая моя
И крутая,
Никто не понимает,
Кто ты такая!..

ХОККУ

Я всё начну сначала.
Только как?
Мне вряд ли починить свой сломанный чердак.

Я не Иисус Христос,
Всего лишь Его пёс.
Я бегу по жизни, душою светел,
Телом я грешен, но сердцем я верен.

Никогда не предам
Ни врагов, ни друзей.
Я воин в Колизее,
Не сомневайся ты.
Жизнь и смерть — мои сваты,
Всё идёт по плану.
Я построю переправу
Между небом и землёй,
Между Солнцем и Луной.
Вот вам конкретика,
Бьющая наотмашь по лицу.
Да не затмится океаном суша.
Вот вам Суть и Сущность.

На улице лето.
Кайф. А у меня как-то кайфа и нету.

Я вижу свет в конце тоннеля,
Но путь туда не нахожу.
Хочу любить, хочу я верить —
И не хожу туда уже.

Хуй положу на всех я,
Иначе невозможно никуда
Смотреть, как люди наёбывают тебя.
Доброе даёшь — и всё зазря.

Но исправлять людей —
Ведь это Господа стезя.
И между Ним и вами стою я.
Стою охуеваю, живёте, бля, зазря.
А я пытаюсь их простить, понять
И подбодрить шутя.

Спасает нас зазря.

Сломал я стену у Антона
И вышел я через неё.
В крови и холодильник, сломан,
А рядом дверь, открой её.

Простил меня через полгода,
Отдал мне вещи, в общем, понял.
А я смотрю на всё это говно
И жру его давясь,
А выдаю стезю Его.

Ничего нет.
Нет жизни, нет здоровья,

Нет друзей (за исключением)
И нет жены.

Но остался где-то в сердце
Вечный город доброты.

Устал давно, но воину постыдно
Без повода из жизни уходить.
Мечта была уйти, при этом
Лишь только подвиг совершить.

P. S. Мама, слава Богу, есть.

P. P. S. Не для того, чтобы помнили, а потому что Подвиг — Великий человеческий поступок,
достойный смерти.

P. P. P. S. О-о, моя оборона... (Летов)

Мне не нужно небо,
Мне не нужно море,
Пусть
Лишь бы ты была со мною.

Мне не нужен сахар,
Мне не нужно кофе,
Я ем, но мне не нужна еда,
Лишь бы ты простила меня.

Да, невольные грехи —
Демоны вы.
Да хоть будет демонов власть,
Лишь бы ты со мною сошлась.

Такая заспанная вышла,
Вот бы тебя поцеловать.
Любил я в школе ту девчонку —
И вот, ура, влюблён опять!

Близнец, собака, воздух, ртуть.
Ни хрена себе ядерная
Смесь тут!..

Ну что, взяли город?
Приступ был сильный,
А орёте так, что
Голос охрипый.

Маленький парень,
Ты знаешь, уже легче.
Это зловещее уже ближе,
Оно меньше и меньше.

Как расцветёт — приходи.
Раскрою тайну:
Будешь ты расти,
Это значит, ты в пути.

Ну как, узнали
То, что нельзя представить?
А ещё ведь нужно
Брюхо под солнце поставить.

Но, но видишь ты её?
Да, да, вижу я его.
Нет, не останусь за ним.
Преодолеть пока не дадим.

Что, что? Барьер этот?
На ощупь его нигде нет.
И его ты нигде не увидишь,
А только услышишь.

Сверхмозговой барьер.
Как я рад за тебя.
Тихо я — рядом с ним.

Лес, земля, он на траве.
Как хорошо, кайф везде.
А он, невидимый, — где, где?
Я понял — он просто во мне.

Да, я вас слушаю,
Вы жужжите в уши мне.
Щас я как лопну
И ногой топну!

Танец, танец, мелкий ситец.
Подари мне вечер,
Я зажму его в себя,
Красное вкусное лето.

Вспомнилось снова: всё ты,
Колыбель мира,
А в ней жужжит игриво.

Ох, как приятно слушать
Этот зуд и плач,
Наивный, несмышлёный.
Я дам тебе калач.
Как мороженое будет это,
Вкусное, сладкое.
Спи, спи, всё в порядке.

Всегда готов верить
Где-то наверху,
Но внутри меня не верится.

Всегда готов делать
Красивую красоту,
А внутри ленится.

Собери волю в кулак,
Но она расползается.
Раздели на два кулака —
И она останется.

Раз, раз, раз-два-три,
Выйди на улицу в темень полную.
Закрой лицо:
Будешь только ты видеть всё вокруг.

Иди, иди, вперёд иди,
Забудь про всё, что тянет назад.
Раскрой глаза широко,
Уставься в ту точку, куда глаза глядят.

Речка, лейся и не лейся.
Парень, смейся и не смейся.

Ходи дальше,
Раз уж взял игру в свои руки.

Пинки, пинки под зад от неё,
И колени болят от них же.
Сделав гадость, возвратись назад
И по кругу пройди по жизни.

Что, не хочешь больше
Думать о дальнем, сделав что-то?
Надежда — о, доктор с нами?
Это отмазка всего лишь.

Но так уж, не так уж всё просто.
Не лечи себя, а вера поможет.
Ну а сам отойдёшь всё же,
Если разум есть у вас в доме.

Ну и вот, наконец-то любовь.
Всё равно побеждает она,
Даже если вокруг никого.
Мы пришли, а осадок — гнильё.

И хоть играй ты в прятки,
Всё равно луна не уследит.
И хоть копай ты грядки,
Всё равно радость не замутишь.
А замутишь гадость —
Кажется, в радость.
Сколь кобылу ни еби, жеребёнок не родится.
Сколько всего ни мудри, в мудрость не превратится.

Вот взять — верблюд и крокодил.
Другой страшнее, чем один.
А мы его едим и носим его кожу,

А на другом сидим и погоняем.
Они нужны, наверное, один уж точно.
А мы ему нужны — ну, одному, то он бы съел нас, сожрал,
Как ни думай и ни спорь.
Кто счас сильней, тому и бронь.
И будет он решать, что сделать:
Поесть его судьбу или твою,
Как с крокодилом.
А лучше кроку обойти, а на верблюде ездить.
Но ведь мы можем их и съесть ведь.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ОРЛА В МОСКВУ

Однажды ехал поезд,
И я в нём ехал сам.
И чтоб было не скучно,
Курнуть решил я там.

Сначала выпью пива,
Решил я, подожду.
Но, выпив половину,
Подумал: всё ж курну.

Тихонько вышел в тамбур,
Достал косяк заветный,
Дрожащею рукою
Его я подкурил...

И тут вдруг входит пьяный
Мужчина здоровенный:
Под белую горячку
Тот мужичок косил.

Его сопровождали
Две крысы тыловые,
Солдаты в униформе,
В потрёпанном х/б.

И, чуя запах шмали,
Солдат один ретивый
Как будто между делом
Пристроился ко мне.

Так, ладно, чуть прервёмся:
Курю не просто так!
И чувствую, что вот он,
Приходит первый кайф.

И тут мужик с солдатом
Спросили у меня:
«А не найдётся ль, парень,
Огнива у тебя?»

Солдату зажигалку

Я достаю из брюк,
И тут ко мне измена
Приходит, старый друг.

Мужик-то ведь огромный,
Да с белою горячкой,
А просит косячину,
Себе чтоб прикурить.

Ему я объясняю:
«Нельзя косяк мытарить,
Ведь это не конфетка,
Сосать его нельзя».

А сам тут ощущаю,
Что он не понимает.
Ну а меня совсем уж
Не держат тормоза.

И краем глаза вижу:
Солдат уже смеётся.
Мужик в очках — сосед мой
(Он позже подошёл) —

Как будто понимает:
Чего-то происходит,
Не так всё это просто,
А я уже дошёл.

Ну, в общем, понеслося.
Вот люди заходили,
И проводник в фуражке
С ведром вокруг снуёт.

И я три раза сплюнул,
Чтоб только не забрали:
Менты уже на стрёме,
А вдруг не повезёт?

Мужик ушёл здоровый,
Солдат со мной остался,
Стоим тихонько, курим,
Беседуем вдвоём.

Вдруг стуки, грохот, звоны.
Мы смотрим — что такое?
Две шмары полупьяные
Присутствуют при сём.

«Ну вы здесь накурили,
Топор повесить можно!» —
Харкая и кривляясь,
Промолвили они.

Но я не отвечаю:
Так много впечатлений,
Людей каких-то разных,
А тут ещё они.

Забрав с собой солдата,
Они, короче, вышли,
А я один остался
И пятку засадил.

А в это время кто-то,
Прикрыв башку фуражкой,
С огромным сизым носом,
За жизнь заговорил.

Ба, вагоновожатый!
Откуда ты здесь взялся?
Какая тебя муха
На крыльях принесла?

Ведь я один остался,
Вздыхнул я облегчённо:
Вот докурю щас пятку,
Пойду попью пивка!

Да ты тут привязался,
Огрызок обречённый.
Какое твоё дело?
Иди себе гуляй!

А он мне отвечает,
Что он, мол, не огрызок,
Зовут его Оглою
С приставочкой «Му-Лгу».

Ох, где же ты, Герасим?
Зачем же ты не рядом?
А я уже не в силах
Пускать его ко дну...

Продолжение следует.

Прёт людей по злобе —
Ну, пущай попрёт.
Шиворот-навыворот
Всё у них идёт.

Прощай, так жалко, что тебя,
Та, которой ты была,
Я не увижу.
Ты теперь не ты, другая.

Спи, моя радость, усни.
Вот мы остались одни.

Бегемоты уснули в болоте,
Не спят только люди на ночной работе.

Сон чудесный придёт к тебе,
Сны волшебные будут сниться.
Что завтра утром — насрать тебе.
А сейчас упадёт к ногам жар-птица.

Я всё краем души понимаю,
Но боюсь, однако, окрасить словами.
Я знаю, что листья зелёного цвета,
И знаю разницу меж туалетом
И комнатой смеха детским летом.
Я знаю, собственность лужи — вода,
Я знаю, что ночью нам светит звезда,
Я знаю, отличие бабы — пизда,
И солнце нас греет днями всегда.
Все вещи понятные — детский лишь лепет.
И всё же судьба покруче нас треплет.
И мне не до света, не до природы,
Хоть выгляжу всё же моральным уродом.
Хочу я замкнуться, умолкнуть во тьму,
И чтобы не спрашивал ты — почему.

Солнечный город, спрятанный в теле,
Кучей говна оказался на деле.
Листья, весной распустившись едва ли,
Скорчившись в пламени, быстро завяли.
Осень, что золото всюду кидала,
Меня придавила ржавым металлом.
Солнце согрело всё летом немного,
К мёртвым снегам освещая дорогу.

Мне не нужно особенных слов,
От них взгляд прячется в пустоту.
Глаза — воробей, а ты — птицелов.
Слова — это пыль, и сухо во рту.

Слова — это в полдень горячий песок.
Остыну, когда только ливень впитает.
Слова — это камни, как в горле комок.
Слова — это лёд, а лёд всё же тает.

Засыплет песок, замёрзну во льду
И пылью покроюсь, лишь время пройдёт,
И камень придавит шальную мечту.
Ждать буду я ветра, что дождь принесёт.

Мне нужно слов так мало всегда,
Давай остановимся мы на одном.
Дождя ждать так долго, хоть снег — всё ж вода.
Ведь знаешь, зима уже за окном.

Шизофреники вяжут веники,

Параноики пишут нолики,
Треугольники рисуют алкоголики,
Маразматиками любят математику.
Кто же я, кто же я?
Я не знаю ни хуя.
Но моё дело правое,
А может быть, неправое.
И рука корявая
Выписывает правила.

ПРО СЕБЯ

Одиночество — скука.
Одиночество — сука.
Входишь в тёмный подвал,
И в душе провал.

Отрешён я, смиренен.
Быть воином — спасенье.
Отрешён я, воин, не воин...
Смирение!

Есть ещё одно:
Это веселье.
Не смех без причины,
А юмор мужчины.

Упорство схоже с упрямством,
Но благородно.

Моя любовь живёт
На двадцать пятом этаже.
Как легко ты засыпаешь,
И до неё не докричаться мне уже.

Когда-то были пятые,
Мужчины-то помятые,
Было женское либидо,
А сейчас как в гроб зарыто.

А песню я пою всё ту же:
«Моя любовь живёт
На двадцать пятом этаже».
Но лифт не ходит уже.
Придётся с крыши мне цветы спускать.
Вдруг не оценишь ты опять?
И скалолазом стать, и плотником,
А так до кучи, хоть и мебель модная.

А если б был камин,
То и трубочистом.
Люблю, когда улыбка девушки лучиста,
Хотя ведь есть камин на двадцать пятом этаже.

Тогда б миллионером стал,
Но ум холоден, сердце тоже,
Ведь на уме все девки схожи.
И не пойду учиться я.

И хоть моя любовь живёт на двадцать пятом этаже,
Не разочаруйся в девушках уже.
Вспомни то время,
Великий, могучий,
Тогда и любовь не была такой сучьей.

Собака с волчьей помесью,
То наивный, то мудрый,
Презираю грехи в себе,
Лень подавляю.
Хочу проснуться во сне.
Остальное так и так во мне.

Музыка больше не трогает,
Стала ничтожной, а жаль!
Там, где была гармония,
В душу вселилась печаль.

Может быть, осень расскажет мне,
Как ты была хороша.
Камень на сердце:
Не нравлюсь ей.
Дайте, ну дайте огня!

Полоска узенькая света,
Кровать, нет — сломанный диван,
Так провожу я это лето,
И дней прожитых мне не жаль!

Сука, не знаю, что делать.
И осень, и холод в душе
Опять, опять.
Пока не сдохну, буду голодать.
Сука, и листья, что ль, собрать в гербарий?
Не сойти б с ума,
Буду тогда я, как насрали.
И нет, не обидно мне, нет,
И не сошёлся клином белый свет.
Он охуел совсем,
А я нет.

Опять чего-то не хватает,
То белый снег, то серый мох,
И мухи белые летают,
И снова не хватает свитеров.

Приятной всё же можно сделать пору эту,
Хотя, пусть Солнце красное выходит иногда,
Мне, выходя на улицу, сугрев —

Сто грамм — принять всё время мысль приходит.

И вот, когда отмёрзнут ноги нафиг,
Ты вспомни лето и весну.
И что же нужно сделать, Боже,
Чтоб оживить эту мечту?

Беда белая.
Осень серая.
Нерождённому
Трудно веровать.

Белый снег,
Снег идёт,
Снег идёт.
Вновь в душе появился огонь.
Пусть он будет как солнечный луч,
Праздничный колокольный звон.
Отрешённый взгляд в никуда
С радостью светлой в глазах.
Это дорога моя.
Пусть она будет всегда,
Наяву, не в мечтах.

Да, я устал, и всё уж на исходе.
Доколе мучить будете меня?
И сделан ход, туз на приходе.
Поставлена на карту жизнь моя.

ЛЁХЕ

Лёшка, Лёшка,
Ты не понимал,
Что ты делал.
Хотя сейчас понимаешь.

Если бы я был Христом,
Воскресил бы тебя,
Но, к сожалению, я грешен.

Мы почти все уходим
Туда, где Он нас любит.
Это утешение,
Но горе не отступит.

Время лечит,
Но не вылечит того,
Какой я был дурак,
Что я тогда ушёл домой.
Впрочем, не совсем моя вина.
Быть может, это Господа рука.

Но почему стезя так коротка?
Скорее это Сатана.

И как бы ни был Ты велик, о Боже,
Нам не понять,
Зачем тот смерти лик
Был на него наложен.

Мы все уходим,
Жизнь, к сожаленью, такова.
Надеюсь, мы встречаемся там всё же.
Прости нас, Господи,
Но если любим мы,
Твоя любовь нам встретиться поможет.

Слабо тлеет уголёк
Жизни нашей, всё подгнило.
Даже девки не дают.
Искорки в глазах не видно.

Смотрю я на Христа.
Он мученик, а я немножко.
Но он живее всех живых.
И я стараюсь в душах оживить хоть что-то!

Ему не верило же тоже полтолпы.
Вот думали: «Какой-то...»
Делами, Боже, подтвердил,
Ведь спас людей он всё же,
Допустим, от повторного потопа.

Да, можно там про облака,
Про то, по радуге как ходишь.
Но ведь, ребята, водка не горька
По сравненью с тем, что происходит.

Не хочется, короче, чтоб Ты приходил.
Ещё пожить бы хоть немножко.
Но час так близок, нет уж сил.
Придётся потерпеть мне всё же.

А может, Боже, подождём?
Ведь шанс хоть маленький, но есть,
Что снова загорится костерок
И люди будут жить, как петь.
Как клёво!

Красное солнце,
Как окурок сигареты,
На закате уходит за горизонт.

На восходе розовое,
Как помада восьмиклассницы, встаёт.

Даёт всему, что есть, житуху,
А хочет — зной испепеляющий даёт.

Им не понять, чего хотят.
А нам понять бы, что мы можем.
Не вытирать лоб от знойного пота,
А походить, немного понаслаждаться жарою.

Нельзя искать всё время тень,
Когда жарко.
И уходить из леса, зная, что там волки.

Но правду всё ж качать не до дурдома.
Дай Бог бороться, чтоб нам Небо жизнь давало,
А не испепелило, как в пустыне — трещины с песком.
И чтоб росточек появлялся, когда надо,
И выросал там, где наш человеческий дом.

Да... если даже кто-то скажет,
Что я сегодня не у дел,
Всё ж есть рассветы и закаты,
Это уже не беспредел.

Ну что, пацаны,
Что, братва,
Живёте? Дай Бог.
А я не скажу даже,
Какие дела у меня.
Опять зима, не похожая на себя.
Если птицы живут ещё,
Значит, нормально пока.
Даже не жду Нового года,
Как будто и нет ничего
Никогда у природы.
Сугробы будут, наверно, ещё.
Как, впрочем, всегда.
«Всегда»! — вот слово!
Хорошее оно, ей-богу.
А я живу, как никогда.
А «никогда» — оно ведь тоже...
Смотря чего приставить позже.
Такие вот дела.
Так пусть оно «всегда», что надо,
И пусть не будет плохо никогда.

Опять хуйня произошла,
Опять потоп,
И льются слёзы всех людей,
И льётся пот.
Опять ковчег идёт вперёд,
Он ищет землю,
Ищет кров,
И люди, звери всё надеются
На веру и оставшуюся в Господе любовь.

А что же делать нам,

Кого всё это ждёт?
А что — любить, и верить,
И прощать. И может быть,
Такого никогда не произойдёт.

Серёга, прости, родной,
Ты умер, не уйдя даже в запой.
Только ожил — и умер.

У меня нет друзей почти,
Но ты был один из них.
Дурацкая смерть.

Что-то сдвинулось
И нас всех предало.
Я тоже чуть не ушёл на дно.
Я буду помнить тебя
Всю жизнь.
Твой корабль,
И праведность по жизни, и добро.

Пока, родной,
Мы помним тебя,
Ты с нами, ты свой.

Охоты тебе крутой,
Общенья тебе с Христом,
Приходи во снах, пообщаемся с тобой.

Не могу передать своих чувств,
Всё по-дурацки,
Всё как по сердцу кувалдой.

Прости, прощай.
Не обещаю, но встретимся с тобой.
Царствие тебе небесное, друг мой.

Вот какая ты, Марина,
Телом и душой красива.
Когда себя ты отпускаешь,
Всё правильно ты понимаешь.
Но есть, конечно, и проблема:
Себя ты бытом защищаешь,
Боишься выходить в астрал.
Тебе завидовать бы стал,
Как ты ту точку... у... сдвигаешь.

Мариночка сказала:
«Я, как зверюга, жрать хочу!»
И наконец увидел я,
Что в сердце у неё
Каменное, каменное дно.
Болтает днями и ночами,
Чтоб о себе всё рассказать.

И если не деревьями мы будем,
То кремнями можем стать.
Так вот, в каждом, бля, из нас
Сидит конструктор и готовит про запас,
Не только фрукты.
Мясо, мясо, Мариночка сожрала мясо,
И стала brutальной,
Девчонкой,
Девчонкой с ножом
У ювелирной кассы.

P. S. Люблю я её!

И на земле трава растёт.
И в небе радуга сияет.
А мы хотели найти брод,
А нас река несёт, схватив.
И это сложный негатив,
Который жизнь нашу ломает.

Кому ты проиграл полжизни?
Зачем ты поимел в дурдом прописку?
Смешно лет сорок дураком быть.
Так получилось, пришлось выжить.
И что я делаю, зачем?
Мне непонятен этот плен.
Но Дух мне помогал всегда,
Хотя и ссал я иногда.
Зачем я нужен здесь тогда?
Чтоб не пришёл Господь в начале дня...
Чтоб возродилась здесь Святая Русь, которая была.
Я мал, но есть Стезя. И буду верен ей,
Какой народ, такая и страна.
И каждую подачу, несмотря на зло,
Я делаю, чтоб у людей загорались глаза добром.
И если кто-то делает как я,
Не зря всё. И даже если смерть придёт,
Я всех прощу, живи, Земля.
Но тяжко мне всё это войско собирать.
Всё потому, что я люблю вас,
И бесконечно одинок я.

СТАСЫЧУ

Друг ты мой родимый, друг ты мой сердечный,
Что ж ушёл ты зрелым в путь тот бесконечный?
Я-то это знаю, кто всё это сделал.
Эти обстоятельства — Сатаны идея.
И в ответ прощаю я всем этим гадам,
Смерть твою встречаю Господа наградой.
Чтобы ты был весел, и охота чтобы,
Было чтоб тебе там очень-очень клёво.
И переродился чтобы, ты же верил в Будду.
Пусть он тебе даст и перерождение, и чтоб ты был Маг.
Маг с огромной буквы, чтобы помогал,

Землю чтоб ты нашу любя обнимал.
Брат ты мой, который знает, где добро, где зло.
И по жизни нашей помогает. Всё!..

Гром прогремел среди ясного неба.
Стасыч ушёл, не дождавшись теплого лета.
В ужасе я, иди, друг, на небо.
Ты был холодным, тебя обнимал я,
А воскресить не могу, не Господь я.
Тоска, грусть, сердце болит.
Иди, друг, на небо, выплатил ты кредит.
Смерть очень страшна.
Люблю я тебя. Люблю я тебя.

Опять хочу я плакать, заебался.
И одиночества опять круги.
А помогает только Янка,
И где же, друзья вы мои?

Что, когда умру я?
Погорюете, попьёте
И пожалеете, что оставляли вы меня
Вот так одного в цейтноте.

Мне уже не хватает начала вёсен,
Чтобы тянуть весь мир.
А... а, а, а, а...
При всём при том, что я, конечно, грешен.

Не представляете вы, светел как Христос,
Когда Он нас простил.
А я вот во всём в этом,
И всё равно люблю, прощаю и простил.

Р. С. Я повторяю десять раз и снова:
Никто не знает, как же мне бедово.
И телевизор с потолка свисает,
И, как бедово мне, никто не знает.
Всё до того уже задолбало,
Что хочется опять сначала.
Куплет печальный, и он такой играет снова:
«Я повторяю, как же мне бедово...»

Поехать к Лёхе, блин, в гараж,
Ведь в гараже так клёво,
И можно ночи проводить
Там нихуёво...
Я не люблю курить, когда мне плохо,
А с «лирикой» и остальной хуйнёй
Взрываюсь, как салюта слово.

Боги решают судьбы земные,
И Ты лишь один, лишь мгновенье Твоё.

Чтобы застрячь в этом проклятом мире,
Не надо стараться прославить его.

P. S. Или надо?..

Солнце село из-за туч,
И седой монголец Ветер
Так сказал: «Я всемогущ,
И сильнее всех, и светел.
Даже тех, которые
Зажигают людям жизнь.
Будь один — и все четыре
Стороны мог бы хранить».
И сказало Солнце:
«Дурак ты, монгольский Ветер.
Не было б в мире людей —
И не узнал бы о тебе никто на свете».

«А не нужно мне знание,
Пусть я буду один».

«И тогда ты исчезнешь со временем».

Не будет ни людей, ни зверя,
А будет мир как белый холст,
Рисуй всё заново, Господь.
Позволь как воину сразиться
И помоги мне Духом, дай мне знак!
Иль я единственный сражаюсь
За белый свет, хоть и дурак?
Пусть реки, как и раньше, будут кровью,
Леса — дыханием, кормилицей — земля.
Огонь — великим, непонятым,
А люди — существами чести и добра.
Я пешка, скажете вы важно,
И ферзь, которым она может стать!
Мои сраженья непонятны.
Быть должен безупречным.
Я избранный, и это духи дали мне понять.

Что пронзительней мне написать
Того, что уже написал?
Остаётся только ругаться матом, блядь,
Так мне хреново опять.

Люди... кусочек внимания
Жалко, что ль?
Натыкаюсь на непонимание,
Ставлю на место,
Уже настроение — ноль.

Было счастливое время,
Когда мама звала меня домой,
А я хотел гулять

И мне было хорошо.

Моя душа была в нирване,
Но я был справедлив,
И мне, как и сейчас, было не наплевать
На действия нехорошие.

БЕЛЫЕ СТИХИ

Серый дождь моросит в лицо,
На душе под стать настроение.
Это единенье рождает что-то. Что?
Мгновенье тех времён,
Когда ты был один или — никто.
Солнце — люблю тебя — ты радость.
Дождь, смываешь ты печали накипь,
Снег — даёшь покой.

А вот любовь снимает с нас усталость,
Тоски растопит снежный ком
И высушит ту лужу муки,
От гадостей укроет нас зонтом.
А если так, то серый дождь,
И белый снег, и солнца зной —
Всё нипочём, ты ведь никто.
Ты сам себе герой.

И в свете я увидел
Четыре падающих мины:
Мина самодовольства, лукавства,
Мина жидовства. Одну я подхватил,
То мина талисмана.

Конечно, конечно, не прав.
Но в чём-то одном я прав.
И это — есть — всё.

Пусть солнце светит
И своим будет радостно.
Хули — в Туле,
А я на баррикадах?
Ввели войска, стреляют,
А у меня одна граната.
Ну ладно, писать даже нету кайфа.
Помните, любите, живите,
А я помогу как могу...

Боялся темноты,
Особо темноты подвалов.
Но больше, чем боялся, я любил её.
Как можно полюбить
Тот ужас страха моего — не понимаю.
Но этого не надо.
Достаточно лишь чувства одного.
Прекрасное оно — и этого немало.

Выхода нет.
Слушаю «Ноггано — хулигано».
Клёво, кстати.
Денег нет ни на кайф,

Ни на пати (туда я всё равно не хожу).
Боже, помоги, молю.
Я же концы отдаю.
Я всегда был за Тебя,
За маму, за любимую
И за братву.
Свой среди своих,
Чужой среди своих.
Боже, вразуми врагов моих.
У меня, в общем, несколько желаний,
И все они как у Христа (простите) на закланье.
Чего их говорить?
И так всё ясно.

Что я хочу сказать:
Тоска и муки здесь сильнее,
Чем то, когда ты что-то важное купить намерен.
И появляются мосты,
А с ними и надежды, и мечты,
Что будет моя жизнь тем,
Тем адом не казаться.
Что мне, а наконец не я, помогут,
И начну по жизни улыбаться.
И эти капельки надежды
Хочу я удержать в руках,
Умыться ими и впитать
В себя их, жаль, не прежде, посильнее...

Я воин с формой,
И это тяжко.
Ну что вы хотите от ртути?
Её можно только заморозить.
Заморозить непониманьем?
И силой воли сплетаю узоры,
Следя за каждой каплей.
И с помощью ветра вливаю
Воздух души в ваше дыханье.

Не поимей кумира...

Я нашёл потерянный Рай,
Только не могу исправить
Тех, кто живёт там.
Они не понимают,
Что живут в Раю.
Я делаю всё, что могу,
Но не хватает мудрости.
Помоги мне, Господь!
Я молю! Я люблю!

Мне вот уж сорок, но уже не плачу:
Нашёл я музу дней земных.
И снова други вы мои, стихи, стихи, стихи.

Для вас на всё готов.
Я упаду,
Но ведь для себя всё равно.

Плюнь на всё,
Делай как знаешь.

Вмятины в асфальте.
Наши дороги,
Дороги зажили.
Их залатать оказалось возможно.

Каждому так: какой талант по жизни?
Это неправда, переделать.
Надо найти, коли это есть, дано,
Чтоб лилось творчество по жилам.

Бицепс, 30, 40, 50..
А хук въебать просто!
Жилы, выносливость есть,
Привыкли всякое говно есть.

P. S. Слава богу, и романтика есть.

В ГАННУШКИНА

А небо ясное уже который день, хотя зима,
И ад был там, где солнце светит.
И днём и ночью Сатана труды вершил,
А как бы за грехи свои опять пришлось ответить.
Канат судьбы был крепко связан
Теми, кто вершит стезю.
И палата №1 —
Лишь для того, чтоб что-то понял.
И видел я, как бесы дёргают за ниточки,
Всё на грехи подбивая людей.
Люди? Не люди? Воронов тризна.
Анархия только спасает.
Не заживают раны на душе.
Спокойней стало, как ни странно.
Эх, наверное бы, всё отдал,
Чтобы страда не стала жатвой.

Я обещал не хулиганить, не поганить,
А ничего не понимаю.
Только море, только счастье.

Я расстался с удачей,
Всё равно на фильмах плачу.

Я жрать хочу,
Как пулемёт, как гаубица, —
Только подноси снаряды.
В энергию еду я превращу.

Ну и что, что с депрессухой просыпаюсь,
Ну, пусть я химией её лечу...

В общем, никому зла не желаю.
И если есть у человека совесть, честь,
Если он есть человек,
Страдания пусть возрождают.

Так будет, как сказал Олег Попов:
«Юмор — это жизнь».
Его поддерживаю я и понимаю.
Без смеха эту грусть и вечность
Нам не пережить.
Держитесь, братья,
Будьте здоровы, родные и, конечно, мама!

Музыка не интересна,
Мир не интересен,
Лес не интересен.
И люди, даже те, которые честны.

И ничего не торкает уже меня.
Даже близкие, кроме мамы, конечно.
Устал надрываться беспечно я.
Надеялся — кислота, и та не та.
Что, умирает душа?

Что же делать? Я тоже только единице интересен.
Опять подачки? Давайте, пожалуйста.
Тошнит.
И даже не придумывается строка...

И что я вам скажу?
Да ничего, живите как хотите.
А я люблю всё так же.

Но есть стезя, и изменилася она.
И, в общем, к этому всё шло.
Но я люблю всё так же.

В этом естество.
И горы, и леса, и храмы — всё осталось.
Только горы стали нами.

И нет интриг.
Есть маленькие цели.
И они — всё то же естество.
Поэтому не враг я цели.

Поэтому Великое — моё, а горы — не туман.
Хотя теперь хочу я и в него.
Ученье — цель, а практика покажет.

Добьюсь я или Ничего, или Всего.
Хотя и Ничего, Всё будет в кайфе.

НАТАШЕ

Не будет больше новых жизней,
Но я ведь так любил тебя.
Но если всё же хоть одна, но будет,
Я повстречал бы там Наташу.

Я больше на себя вниманье обращал,
Да, виноват.
Но мы ведь люди,
И искупаем мы грехи, только поняв, что делать и в чём виноват.

Зачем терпела ты мою печаль?
Сказала бы: «Не, бля, чего-нибудь придумаем».
Но ведь придумал-то в итоге я.
И, как всегда, остался с хуем.

И если не любила ты,
Сказала бы. Прощу я!
А если бы любила,
То не предала бы.

Ведь дал Господь тебе волшебное что-то,
И ты должна была понять,
Что это был не я,
Что сделали так боги или Сатана.

Я, к сожалению, не дал любви достойной.
Но ты ведь ангел! Неужели ты врала?
Я первый в жизни раз люблю так,
И похую, что не любила ты меня.

Лишь тень от меня живёт в этом мире,
Лишь тень, ей похую всё.
Забыл, как она, я в помине,
Почти что забыл я тепло.
Нет жалости, лишь дуновение ветра меня шевелит,
За живое берёт мой дух, и калечит прожитой жизнью,
И тонкую нитью сшивает границы того льда,
Что закрыл моё сердце вместо контроля,
Психики той, что без кожи осталась.
Как рыба об лёд, нарастить чешую почти невозможно.
Надежда — та в коме, лишь ждать остаётся мне чуда.

Я согласен на крест.
Будет не просто больно,
А не в силах человеческих терпеть.
Я согласен, даже если это ужасная смерть.

Сейчас не могу писать стихи,
И не хочу писать я прозу.

Сейчас и пока вообще.
Я слушаю вас,
И это сосредоточение линий,
Которые питают землю
И проходят через воздух,
Сейчас во мне.

И пусть они пройдут по линиям мороза,
Которые застыли новыми
И клёвыми, дурацкими
Рекламами по всей Москве.
И «я» — это дёргается скула.
И неважно, в свете или во мгле.

Я рвусь на части,
Моя душа ревёт и стонет
И падает на землю,
Как осенний лист.

Всё в золоте,
Всё в гадости одновременно.
Распятый, я живу,
Пытаюсь всяким, блин, дерьмом себя спасти.

Волна в девятый вал идёт,
И я всё жду её,
Чтобы кураж душе, и радости
Немного влить.

Но получается фигня,
Но получается болото,
И всё в трясине,
А я всё маюсь.

И выход я найду,
Наверно, лишь на дне.
Хочу волну...

Счастье — вот оно, рядом,
Только закваска дошла.
Никто не понимает меня,
А вроде все понимают.
И чурки снег убирают.
Я ждал, ждал.
И всё равно люблю вас, люди.
Так не давайте меня им — непонимающим.
Враги, пошли вы на фиг,
Я не сделал вам ничего плохого.
А грехи свои смывал потом и кровью.
Как ты сказал —
И ты разберёшься...

НА СМЕРТЬ

Эх, Андрюха,
Ты грешный,
И я, конечно, тоже,
Но я надеюсь и верю,
Что Бог нас простит.
Как мы были едины,
Как слушали анархистов,
Как ты старался всем помогать,
Впрочем, как и я.
Но Бог почему-то тебя забрал.
А как ты любил дочку,
Так же, как не любил жену.
Ей-ну, ну...
Царство тебе небесное.
Скучаю по тебе
И пытаюсь делать так,
Чтобы тебя помнили
И песнями о том, как жить хорошо,
И о том, как «свобода или смерть».

Слёзы кончились, нет уже.
Вот хожу в горячке по траве
На босу ногу.
Время кончилось, нету уже,
Но не жаль бывшего.
Есть радость иногда, и
Есть печаль, но это будни.
Если будут они иногда —
Подрастём до Бога.
То и останемся при Нём,
И слава Богу.

Я ненавижу ночь,
Я ненавижу утро,
Я ненавижу день,
Мне страшен каждый вечер.
Как будто что-то прожил
И потерял совсем.
Зато люблю я запах ночи,
Зато люблю рассвет,
Мне нравятся те сумерки,
Люблю дыханье ветра я,
И радостно на сердце,
Когда я вижу солнца свет.

И если даже я умру
Вот так вот, как-то по-дурацки,
Я уже сделал своё дело,
И, в общем, нечего бояться.

Память стирается всё равно,
Лишь поминаем мы ушедших.
Хочу оставить я её в стихах
И в том, чтоб продолжалось наше Дело,

И возродилась всё ж Святая Русь,
И чтоб любовь в сердцах рождалась,
И в поколениях жизни смысл передавался.
Не зря же умер Он за нас!
Чтобы, воскреснув, дать нам жизнь и счастье!

Накручивая ручку,
Нажимая на педали,
Мы что-то делаем,
Наверно, к чему-то.

Я хочу увидеть парадокс времени,
Как это может быть. Может быть, познаю,
Ходя по газонам
И мня траву.
Убираем мы что-то,
Чего-то меняя.

Я хочу видеть тебя и знать.
Смогу ли я понять? Наверное. Узнаю.
Стираешь пыль.
И всё просто.
Сажает в землю семя.
Нужно это, чтоб было.

Я хочу знать, могу ли я понять.
Я хочу понять, могу ли я знать.

Идиот я, идиот.
Запутываю сложно.
А зачем я это делаю?
Тоже к чему-то.

Ребята, вы живите, вы привыкли.
Ну что же, Черномырдин, научи меня жить!
Научи меня что-нибудь делать,
Научи миллионы пиздить.
У меня ведь с дикцией так же,
У меня ведь крутое сердце,
У меня нет ни копейки,
За то Горбачёву спасибо.
Но ты научи меня жить,
Научи меня что-нибудь делать.

Белорусская — это станция,
Маяковскую я люблю.
Белорусская — как вокзал
Между Тверской и Динамо,
А Аэропорт — это другое.
Это после квартиры
И после подъезда
Стоп — дворик,
А потом в любую сторону прямо!

Быстро меняются картинки:
Раз — и другая на экране.
Промотать назад невозможно,
Лишь в памяти, ты знаешь.
Это наши слабости,
Нервы в накале.
Совместить захочешь всё
И порвёшь их, знаю.
Плавится старая плёнка,
И яркость всё меньше в кадре.
Ну спали её, прижги раны,
Но не всё горит, я знаю.

Музыка, ты как огромный лес,
Аккорды — то дуб, то берёзка кудрявая.
Мелодии, вы как ростки долгожданные.

Войдёшь ты в него, опушка — вступление,
В дремучий зайдёшь, что не есть психоделия.

Чёрная сажа сорвалась
И сразу влезла в рот.
Стрела окривела на оба глаза,
И сразу я понял, что ты урод и жаба.

Стропилу поймали и закосили в обе стороны,
Но это не страшно в бою бесшабашном,
Граната — и в стороны.

Вы же знаете, суки, что мир не так уж плох.
Пусть вы последние, вы мрёте как мухи! и запахло!

Да, это так и будет.
Солнце вечно светит людям.
Зря уж, лучше б погасло. И холод, и все равны.
Но из последних, тех, кто сполохом сохранил свою суть,
Свою суть,
Свою суть,
И пусть так будет, как будет.

А хоть будешь ты один, как невидимка,
Приходи хоть к домовому в дом,
Как ягодка за столом.

Но если ты увидишь свет твоих глаз,
Точно не повесишься
И будешь их всю жизнь вспоминать.

Но не перебесится воля
И колдунья не развеет чар.
И хер с ним, с полнолунием.
О тайне он ведь не молчал.

И потухли, и погасли все в раздутой коже,

И подошли, но сначала разошлись все швы на жопе.

Да поздно будет в следующий раз,
Но и тебе не поздно в стан племени вернуться.
Зажги алмаз и ссы на головы,
На головы горгоновы медузы.

Солнце, ты — жизнь,
Наш идол небесный,
Лишь ночной ветерок
Знает, может быть, тайны твои.
Но не расскажет: может, чужие мы.
Любовь — рассвет, это тайна той сказки,
Что даёт нам чешуйки золота счастья.
И люди — лишь Богу судить, кто они:
То ли гармония мира, а может, глупцы.
Живые для чего-то, живут и уходят.

И вот луна наши мысли и чувства
Тревожит, ворожит и посылает туда,
Где живёт фантазии хаос,
И возникают от этого города,
А дальше — цивилизация,
А это начало конца.

Дай Бог, озарён человек будет,
На благо и всецело осмыслит
Солнце, и жизнь, и ночной ветерок,
И мысли свои и чужие, и фантазии.
Тайны желаний найдя в этом мире,
Гармонию счастья — и будет счастливым.

Глубоко вошёл клинок.
Даже если вынешь,
Ты уж не забудешь
Раны той печальной.

Шрам затянется сначала,
Но, как только грусть наступит,
Заболит всё и заноеет,
И завоешь на луну ты.

Да прости меня, Боже, что посмел.
Видишь ты всё, душа кричит стоном тягостным, прости.

Распните меня, как Иисуса Христа, —
Да славится имя Твоё, —
Может, я струшу и буду просить и молить о пощаде.
Ну а хватит духу и мужества стерпеть эту смерть,
То с честью тогда и со страхом скажу:
Может, она легче моей этой не-жизни.
Только одно вот: хочется всё-таки,
Чтобы солнца лучи, хотя бы лучики
Светили в глазах добротою спокойной,

И радость дарить, и любить этот мир человеческий.
За что? может, есть. Да, есть, знаю и знал.
И ещё чтобы луч светлый мира сего
Светил мне взаимно.
Молю и прошу.
P. S. Верю, надеюсь, люблю,
Хотя и не знаю уже,
Но люблю — это точно, Ты видишь.

ТРОИЦЕ СВЯТОЙ

Вот три стихотворенья,
Простые, сложные, босые.
Ведь трое Вас,
А я, знать, буду четвёртым.
Ведь как у людей, быть у Богов животным.
И пёс, и волк.
А по-другому ведь нельзя,
Не понимают люди ведь добра.
Готов служить Вам,
Спать на веранде, охраняя,
И гадов всех сжирать, кусать,
И кости их навеки оставлять.

Были бы волны в море
Кислоты прикольной,
И снегами шапки, каких охапки,
Предгорья в маках присыпаны морфином.
Долины в марихуане кострами дымили бы,
В сёлах — самогонка с самосвалом, печкой и дровами,
В лесах девки собирают на полянах грибы,
Псилоцибинами нас подогревая.
А в городе ночные дискотеки,
Где экстази и лёд ты ешь этот,
Чтоб ехать, а утром проститутки
С тобой на хату едут,
А в сумочках у них перветин для секса.
Ближе к вечеру найдя косячок,
Сочиним пару песен и пару стихов
И вызовем скорую. Приедут врачи,
Успокоят, с морфием дозу для сна введут.
А утром у нас самолёт —
В Мексику гонит пилот за мескалином
И прочими чудесами.
Вот так было круто,
Как будто ребёнок мир познаёт.

Так, мысли, просто и сложно...
Воздух что-то парится ртутью,
Сердце живёт одним дыханьем,
Дыханьем памяти снов и печалей явью.
Души зарубками этих самых
Рубят в лесу ёлки под Новый год.
Ты приоткрыл судьбы заслонку, и вот

Всем духом с натягом, как на олимпийское золото,
Стравил кислород
В эту зыбкую сырость тревожного мира
И в радугу суеты людской из дорожной пыли. Каких?
Обдали которую важностью? каких-то забот?
Так скажи «здравствуй» этой стружке дел наших
И утренних одеваний.
Что-то, как яд захороненной атомной грязи.
Отравили девственность милого мира...
И скажи «прощай» брызгам грёз наших смешных,
Ещё не испачканных садом говна человеческих мыслей.
Ура — нет будущего. Может,
Потом его нет у потомков?
Да нет, есть ещё жизнь — герои
Её не дадут на съеденье
Дракону по имени Вечность.
А может, ни у тебя, ни у кого,
Кроме рассвета с закатом,
Нет будущего, кроме того миража,
Где ползком от бархана к бархану
Люди к раю земному ползут
По бесконечной пустыне «Время» со своим скарбом?
Хотелось бы всё ж веселей, братцы,
Дышать этой ртутью безвременной сказки.
Надежда одна лишь да вера
Дают нам отмазку.
И только одна лишь любовь
Весь сумрак той жизни стирает
И нам просто так, себя забывая,
Саму бесконечность и босую радость даёт.

Вы смотрите,
Сможет ли человек прожить
Без хлеба духовного? Сможет.
Только в этом никакого толку.

Я покаялся,
Я не хочу остаться один,
Имея только своё тяжкое прошлое,
Обман, страдания и предательства.
И мне не нужен будет этот мир.

Снова полузагнанный день,
Опять дорога в лунную ночь.
Снова утром, обезумев, встаёшь
И поёшь: «Да, Боже, подари мне день».
И снова раскаты грома,
И опять гроза омыла воздух.
Это непрожитые пятна,
Пятна безделья, лени русской.
Да чтоб нам опять жить
И солнце встречать поутру,
И провожать его;
Как прожить

Целую жизнь свою,
Как солнце сегодня нам!

Мы дадим трамваю номер,
Он будет ездить, возить и звенеть.
Мы многое сделаем, чтобы
Сделать много ошибок.
Ещё бы исправить или не повторять их.
Стоит на земле гора,
Стоит на земле наше «я».
И вот никто не знает,
Надолго ли это и к чему приведёт.

А мы голосуем за лето,
Построить пытаюсь хорошую жизнь.
Нам надо давать как задание,
Как нам прожить и зачем наша жизнь.
Чтобы не как слепые котята ползти,
А потом есть и спать, — чтобы жить.

Но это удача, если научат тебя,
Пока не напортачил.
Тогда можно дать и двум трамваям номера
И спокойным быть за то,
Что ты ничего под луной не сломаешь.

ПЕРВОЙ ЛЮБВИ (НАТАШЕ ДАНИЛОВОЙ)

Люблю.
Люблю навеки.
Очень нежно люблю,
Храню,
Молю,
Увидеть мечтаю,
Услышать хочу —
И мучаюсь, мучаюсь, словно в аду.
Потому что люблю, без тебя,
Но люблю.
Ты снилась мне снова
В тысячный раз, тяжко,
Но любить не устану я Вас.

Блин, ты ведь знаешь, что
Водка, лосось и товарищ —
Клёвая вещь.

Одного ведь неплохо съесть,
А другую бы выпить недаром,
А товарищ пусть будет хуйлом.
Сервантес не зря проживал свою жизнь,
Растворяясь в помоле Кихота.

И тогда ты познаешь,
Что водка, лосось и товарищ

И есть наша жизнь.

Пипец, пипец, мне хорошо, но плохо,
Но я-то знаю, что со мной.
Я изменился, но тоска-тревога
Всё ж иногда присутствует со мной.

Я знаю, я всё знаю.
Я учусь, но состояние,
Которое болезнью называют,
Присутствует, скотина, ну и пусть.
Но изменю я точку сборки
И стану воином без формы.

ХОККУ

Твоя красота беспредельна,
Как мага, как человека,
И лучшего учителя желать нельзя.

Прости меня, Боже,
Я почти остыл,
Замер, запил и закурил.

Сижу в туалете и жду
Прихода или блевоты.
Да, милая, что ты?
Поднесла мне чашу с ядом, а я пью.
Тяжёлый вдруг якорь на меня.
Как могу, так и болею.
Скажу по-другому:
Я дан Богу, и это не паранойя.

Иришка, больная.
Но ты вернёшься, вернёшься.
Боги за нас.
Поверь мне, не просто всё так.
Ты увидишь, трава как зеленеет,
Увидишь любовь,
И солнца лучи,
И знаки богов.
Только не злись, не стони, а терпи.
Хотя стони: понятно, больно.
Но утолится твоя боль,
Нормально будет всё с тобой.
И солнца лучи, и любовь —
Всё вылечит тебя, молчи.

Без нас и ветер будет дуть,
Но это ведь неинтересно
Ни ему, ни нам.
Ведь мы живём
Лишь потому, что вместе.

Отдельно — это хаос.
И не узнаем мы об этом,
И не поймём.

А потому, что будет смерть тогда кругом.
Минус, плюс — не просто так.
Ведь не было когда-то ничего —
И снова зарождалось.
Вот смысл жизни:
Он в том, чтобы,
Рождаясь, умирать
И, умирая, вновь рождаться.

Я не стал умнее,
Но стал чуточку мудрей,
Стал чуточку сильней.
Ведь что не убивает...

Я горюю, что очень много людей
Доживают до старости
Как бы без толку,
Без Бога.

Всё пишу я об этом,
Но всё равно рад,
Ведь не всё мне равно.
Стал больным, но не гад.

Ведь душевнобольной —
У кого есть душа.
Что же сделали вы со своей?..

Знаю — страдания или убьют,
Или же — Возродят!..

УНДИНЕ

Люблю я дождь,
Люблю я дождь,
И ливень я люблю.
Вода — ты жизнь, хотя и смерть.
И я тебя хвалю.
Я восхваляю.
Я люблю.
Тебя я пью до дна.
Ты мне даёшь часть жизни.
Я благодарен.
Ты всем даёшь.
Чего — не знаю,
Хотя и знаю,
Я уже сказал.

Но ты — Родная,
Как Солнце, — наша жизнь.

Как матушка земля, земля,
Как воздух!
Саламандра, не забыл тебя...
Короче, ты одна,
Одна — стихия.
Есть страшное:
Пожар, цунами, ураган,
Землетрясение.
Так уважайте тех,
Кто даёт нам жизнь.
Или хотите?..

Как ни кати этот камень,
Как Сократ,
Хоть пот будет вместо мочи.

Сделан солнцами лица человек ближних.

Надо, наверно, не один век,
Стальные нервы с яйцами
Или Божье совершенство.

Дай Бог, моли, помоги
Тащить этот камень
Со стальными нервами,
А лучше научи Твоему совершенству
Ради людей, ради себя.
Это блаженство.

Хочешь хоть немного добра,
А получается фигня.
Ха-ха. Не смешно и не грустно.

Да пусть возрождается Русь во мне!

Я тоже не знаю бессмертных садов
И не вижу галактик, в которых живут без любви.
Я тоже любил и люблю,
Нетрезво и трезво.
И вот не могу я сойти,
И вот проклинаяю.
Любите меня, и вот, я тогда познаю
Любящего.

P. S. Я готов разорвать свою грудь,
Но ближе лишь бы мне стать чуть-чуть!

ПОПЫТКА РЕКВИЕМА

В прошлом жил, как пламя, ярко,
Сейчас уже почти умер.
А дальше — не знаю, наверное, умру.

Не заболеть бы ленью,

Ленью к этой жизни.
А так, чем только хуже,
Тем легче я спою.

Надежда умирает.
А хрен с ней, пусть хоть сдохнет.
Любовь на дне, далеко,
Лишь Веру не отдам и сохраню.

Я буду верить в доброе,
И буду верить радостно,
Хотя себе я реквием с прискорбием дарю.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Не прощайте меня за мат,
Пусть в уши каплют слёзы,
Пусть мама не замечает, что я плачу.
И пусть я думал об угрозах,
Когда хочешь не раз, чтобы умер,
И в энный раз слушаешь Янку,
И оживаешь всё время.
Всё равно неохота быть евреем (то есть жидом).
Что-то ещё осталось,
И это что-то в нас — спасает.
А если я не прав,
Да пусть я отправлюсь в ад.

Р. С. Я устал спасать и искать живые души.
Я устал помогать.
Я устал печалить маму.
Пусть помогут мне — или пусть я умру.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Я пробовал героин,
Но не хочу его.
Но я хочу, чтобы
Осталась пустая тарелка на столе.
И, наверное, я умру во сне.

Я люблю мясо.
Устал получать за доброе дело по башке.
Но меня не исправить, не изменить.
Я рождён таким — и иду по своей стезе.

Да, я люблю писать.
Боже, услышь меня.
Не поверну я вспять,
Видно, во мне есть частица Твоя.

Труды наши благие
Для нас и наших близких —
Не нужно нам напоминанье, чтоб делать их.

Они как воздух для людей,
Они как сонм для гения идей.
Если подумать, то для них живём мы.

И тот художник несвободен,
Кто не подумает о тех,
Кого своим письмом освободить или задуматься заставить.

И тот, кто лечит, рад тому,
Что вот — поставил в ряд солдата света.
И будет радовать он дальних или близких,
Как мотылёк, летя на свет,
Сражаясь с хаосом, забредших души возрождая.

Я миру дан, я пёс Его, делами доказал и тем, что верен.
Да, грешный я, а первый враг — второе я.
Контроль теряю иногда, борьба.
Но всё равно стезя — добра.

Тут выше ставки,
В прикупе тузы,
Поскольку много на Земле дерьма.

Я описал стремленья наши и мои,
Без которых мы — нули.

Да будет Свет и будет Слово,
Поступки будут праведны, дай Бог.
Тогда и умирать не страшно, Лев Григорич,
Когда и Правда с нами,
И каждый не по возрасту,
Как юный пионер, — всегда готов.

Воздух нужен,
Нужно пламя,
Спичка всё рождает, загораясь.
А когда погаснет,
Всё равно жизнь продолжает
Гореть как пламя
В душах человеческих, своих.

Дождь, вода не оставляют
После этого дымящихся углей.
Они сверкают, снова силу набирая.
Посмотришь на неё, на них
И видишь: чуть-чуть добрее
Огонёк,
Путь освещающая наш,
На этой, на Земле, на ней,
Родной, на ней.

И снова в путь,
К звезде своей,
Чтоб не опозлить свою суть.

Ведь суть людей — она
И Божья суть.
И, приближаясь к настоящей, данной свыше
Судьбе своей,
Не забывай, что человек
Не гость, который может
Наплевать на всех, уйти
Не попрощавшись.

Дай, Джек, лицо твой погладить мне, дай.
Лишь бы человек не превращался в тварь.
И Бог дал мне возможность
Быть Богом, и не дал.

И получается, что человек — тварь.
Не знаешь ты наверняка
Ходы и случаи. Что в полумраке
Может сделать эта рука?

И душа моя не горный хрусталь, а горячее пламя,
Да, не зря я прощаю, не зря.
И лох ты, а не я.

И знаю я, где радость, где печаль.
И сигарета в пачке лишь одна.
Но собака — это не тварь,
И верности учусь у неё.

Милая, всё нормально.
Твои бредни, твои штучки...
Воспитание, конечно, присутствует,
Крыши тоже при этом нет.
И, конечно, огорчает,
Что при сексе — не ласканье,
А раньше это бревном называли.
Ты, конечно, оскорбишься,
Но я с любовью и люблю, свободный,
Так что не горюй.
Рыбак, кто рыбака видит издалека.
Я тоже долбанутый,
Но хороший, с осознанием, даже круче, — умный.
Я извиняюсь за нескромность.
Всё!.. Привет, пока
И снова здравствуй, всё понимая и любя.

Когда остывшая земля плоды приносит,
Тогда и я, тогда и я учусь у осени.
Контроль — он, братцы, поважней десятка тёплых дней.
И, всё поняв, приходится терпеть, чтоб закреплять,
А проще жить, я понял,
И независимо, ты в каком друдоме,
Но это нужен опыт, жёсткость, безупречность, человечность.
Вот так жизнь и Бог, поставив раком свободу нашу,
Учат, где какой урок. «Бог, дай» —

В душе звучит тот правильный звонок.

Ну что ж, всё ясно учит жизнь,
И на краю ты больше не ложись.
Терпенье, сила воли. Всё поучает дуушу.
Когда устанешь — сдох ты.

А пока учись.

P. S. Вот так вот, мучаясь, надо всё же понимать.
Ведь что не убивает — делает сильнеей.

Смерть и жизнь —
Всё переплетено.
Зло должно быть наказано.
Чем? Злом?
Да, видимо, злом.
Бывает ли добрым зло?
Мечь — это справедливость,
И правда в том.
Но есть ещё смирение,
Это когда прощаешь.
Может, потом?
Но душа человека — огонь,
А Бог есть Всё.
Так залей наши души
Водой.
И нам покажет тлеющий уголёк,
Что смерть, а что жизнь
И можно ли всё совместить.

P. S. Я начал смотреть «Бесславных ублютков».
Тарантино гениален своей непредсказуемостью и смыслом, впрочем, как и я.

Кому нужны наши дела?
Коль всё равно всем, в землю иль на небо,
Чтоб нефть потом питала чёрною икрой
Чью-то машину.
Кто по делам тем едет?
Наверно, всё зависит от тебя.
Наверно, чтобы Он его там встретил.

А вот мне песни Дух даёт,
Когда добра недостаёт.
Спасая, понимая, обнимая,
И я хмелею от сознанья,
Что так всё в тему.
И я величие происходящего
Так понимаю, осознаю, что это невозможно.
Но это есть,
И я не одинок.

Здравствуйте, те, кто светел!
Метёлкой не подмести за друзьями.

А надо их провожать.
Но лень иногда.

Я знаю, если хочешь вернуться,
Надо хоть что-то у них оставлять,
Не специально...

И не надо их ждать,
Ведь не у пропасти на краю...

И надо, короче, кончать.

ВАМ, СВЯТЫЕ, ТЕБЕ, БОГ

Простите меня!

Я каюсь,

Я срываюсь.

Я буду держаться,

Буду учиться.

Я ваш.

Я пёс Твой,

К сожалению, грешный.

Но я исправлюсь.

Надо быть смелым,
Чтоб жить в этом мире,
Чтоб жить, а не существовать.

Всё очень просто:

Надо быть честным,

С него, кроме слова,

Нечего взять.

И ещё вот чего:

Надо смеяться,

Когда ты гондону

Не смог надавать.

Будьте смелее,

Ведь только бродяге

Нечего в этом мире терять.

Я бы разорвал оковы льда,

Но нету силы ни хрена.

Её растратил я по жизни:

Всё для вас, мои друзья.

Уж не осталось никого,

Но не оставлю своего,

Я буду помогать всё так же,

Хоть это, братцы, нелегко.

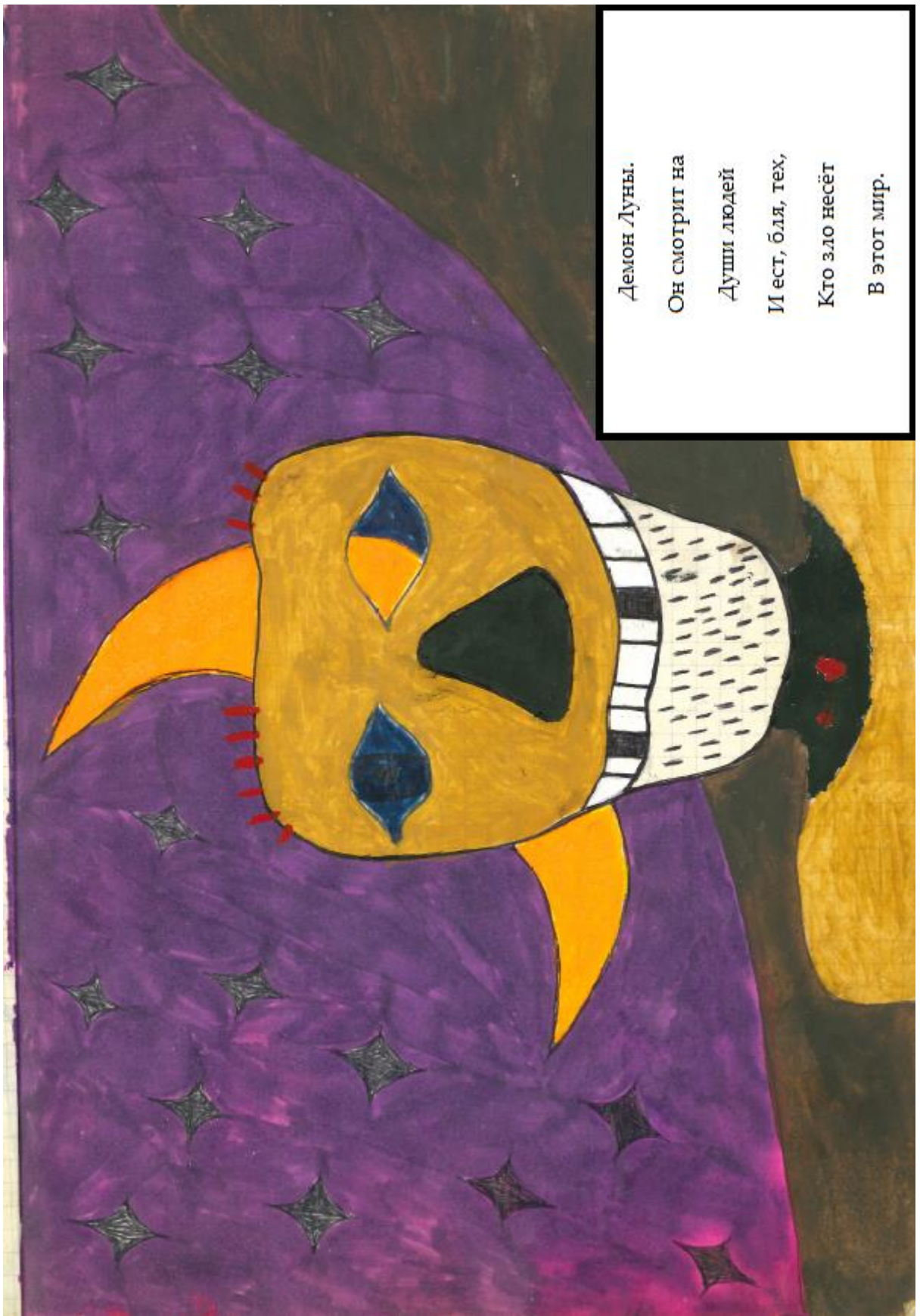
И что по жизни мне осталось?

Да, в общем, почти ничего.

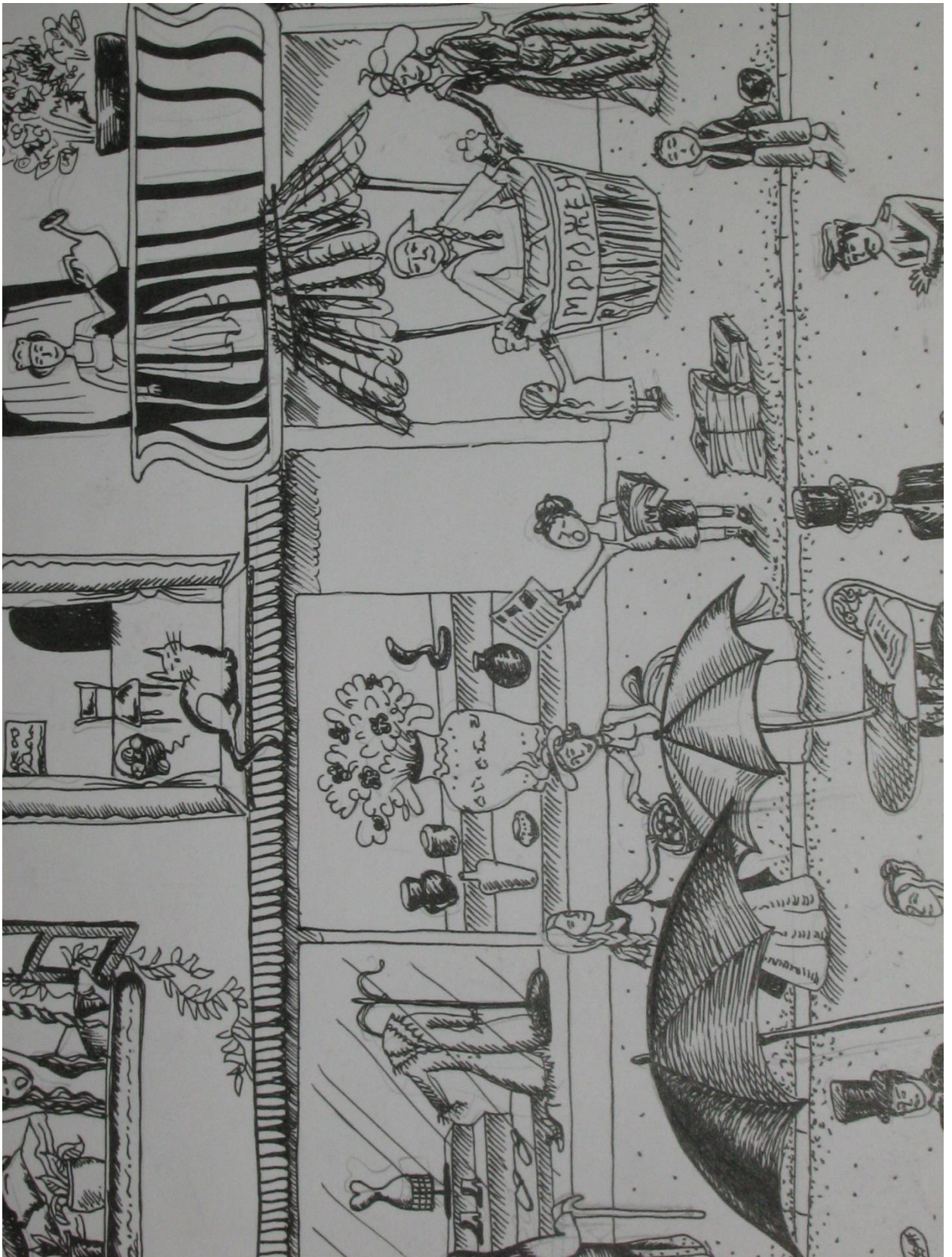
Хотя «почти» — такое слово,

Что без него не будет нам дано:

Дано любви друзей и близких,
Дано Господней благодати,
Дано тепла планеты нашей,
Дано душе, что не отнять.
Так дай мне, Боже, хоть надежду,
Чтоб силу ту вернуть назад,
А я уж очень постараюсь,
Чтоб не настал на Земле ад.

«Демон Луны». Рис. Евгения Учагина по концепту Алексея Бабаева

«Город». Рис. Наталии Бабаевой

ЮНОШЕСКАЯ ЛИРИКА

Солнце нельзя скрыть за тучами,
Даже если ненастный день.
И жизнь нельзя испортить случаем,
Так как нельзя оставить тень.
А вы говорите, что солнце не вечно
И что доказали это учёные,
Потом ещё бывают затмения,
И солнечный свет съедают ночи.
Но всё же свет солнца не отнять у нас
И не скрыть его тёмной-тёмной ночью,
Случаем дружбы не сломать каркас
И затмением не отнять у нас воли.

Давайте вспомним каждый день
Весёлых наших игр.
И соберём своих друзей,
И справим чудный пир.
На этом пире будет всё,
Чего хотим и не хотим,
Но вот что жаль: мечты ведь всё,
И мы забыть спешим.

(Написано в 15 лет.)

Тёмные ступени в небо
Я прошёл как будто сам.
Я во всё когда-то верил,
И за это по мордам.
Виновен в том, что существую
Я в этом мире как в аду,
Уже я понял жизнь людскую,
Но зла понять я не могу.
Ведь уничтожив всё живое,
Оно исчезнет и само,
И некому сидеть на троне
И пить за упокой вино.
И в хаосе людских потоков
Устал искать я доброту,
Ещё немного постыжаю,
На всех вас плюну и уйду.

ХУЛИГАНСКИЕ СТИХИ

Под крылом самолёта о чём-то поёт
Ужравшийся в жопу пилот.

Я каждый раз клянусь себя:
Зачем мне эта ерунда?
Говно, фуфло, туфта!

Я прикладывался рядом,
А она вильнула задом,
Улыбнулась, жопу показала
И исчезла, блядь такая...

Хуй не стоит, кончать не в радость,
Тогда зачем мне эта гадость?

Мне пиздец.
А я лечусь.
Никогда не вылечусь.

ВЛАСТИ

Эти грёбанные твари —
Никому, а только мне.
Если даже ещё жив ты,
То пройдут и по тебе.

И? Если сосулька меня убьёт?
Так ведь она не отъебёт...

Я б написал, да не хочу.
Я бы сказал, да хули толку.
Надо чаще какать,
Может, меньше будет дерьма.

P. S. Но это всё ерунда!

Как сказал бы огурец:
А без водки мне пиздец.
Ешьте вы горилку с салом,
Крым стал нашим наконец.

Во сне светила мне звезда.
Конечно, шёл я к ней.
А, это было Солнце, бля!
Чуть было не сгорел.

Аминазин — какая гадость!
И если б я имел такую власть,
Его плохим врачам вставлял бы в жопу,
Чтобы приход говна с говном

Пошёл в их бошке с ходу.

ЭССЕ

Восемнадцать лет одиночества и мук, ещё года три борьбы, страданий и греха. Мне уже не нужно почти ничего. И я почти не нужен никому. Вся жизнь — ради людей, которые же и предавали. Устал я, не снимаешь, Господи, ты с меня заклатья. Почему? Сам же сказал: «Не наказуй недостаточно, но и не наказуй слишком». Лишнее что-то чересчур, и уже давно. Зачем же делать из меня мученика? Я же праведник только душой и в святые не гожусь, хотя всю жизнь прощаю, и люблю, и пытаюсь ещё верить в людей. Но я уже стал злой на многих гадов. Причём не того хочу, чтобы им больно было, а чтобы они поняли, какие они гады, и им из-за этого стало бы больно, больно душе, только через страдания человек может снова обрести душу. Если, конечно, она вообще имеется. В окопах атеистов нет, как спел один великий поэт. Или люди, или падаль. Устал сражаться. Не помогает почти никто, а всего-то надо снять заклатья. Сними с меня его, Господи, молю Тебя. Иначе это не жизнь, и хорошим это не кончится. Чего, мне начинает казаться, вы и добиваетесь. Неужели, чтобы Ты пришёл! Не знаю, что и делать даже. Слишком уж всё становится круто. Не могу я так жить.

Господь не просто дал человеку душу и моральные законы. И если люди в грехе, суете или бытовухе становятся похожи на животных всё больше и больше, то, хоть Он и Всемиловитый, не сомневайся — отберёт.

БЛАГОДАРНОСТИ

Спасибо маме — за всё.

Спасибо Марине Красновой за то, что поддерживала меня всё это время.

Спасибо авторам иллюстраций — моей дочери Наталии Бабаевой и Евгению Учагину.

Спасибо Ольге Лапенковой, которая перепечатала большую часть стихов и подготовила макет книги.

Спасибо Светлане Ежовой, которая перепечатала часть стихов.

Спасибо Анатолию Сивилю за финансовую поддержку.

Спасибо Косте Осокину за общение и участие.

Спасибо Ирине Шурцовой за помощь.